Кадетская ПЕРЕКЛИЧКА

N:11

1975

КАДЕТСКАЯ ПЕРЕКЛИЧКА

Периодический журнал Объединения Кадет Российских Зарубежных Кадетских Корпусов, Нью-Йорк, США

№ 11 Нью-Йорк 1975

Художественная обработка А. Н. Родзевич

"CADETS ROLLCALL"

Periodical Magazine (3-4 issues yearly)
Published by Association of Russian Cadets graduated outside of Russia, Inc.
New York, USA

Subscription price $7.00 USA for one year
$2.50 USA per single copy

Managing Editor
Paul Olferiev
4187 Frame Place.
Flushing, N. Y. 11355 U.S.A.

ОГЛАВЛЕНИЕ

В наших Объединениях:

ОТ РЕДАКТОРА

В ответ на многочисленные устные, телефонные и письменные запросы, почему до сих пор в журнале не напечатан отчет о Четвертом Съезде сообщаю:

Президиум Четвертого Съезда часть материала прислал 4 марта 1975 г. Если весь материал и фотографии будут получены, отчет будет напечатан в № 12 «Кадетской Переклички».

По вопросам о Четвертом Съезде обращаться к Президиуму Съезда по адресу вице-председателя, Ю. Телятникова:

1563 18th Avenue, San Francisco, Cal. 94122, U.S.A.

Молва о «Кадетской Перекличке» идет по всему миру. С чувством большой благодарности помещаю статью «Мариборские Югославянские Кадеты» (перевод с хорватского) и редкие фотографии, присланные с ней через одного из наших однокашников.

Пример достойный подражания — уверен, что у многих из наших однокашников есть много интересных фотографий и воспоминаний.

С самого начала существования нашего журнала было задумано открыть в журнале отдел молодежи. Первое произведение, полученное журналом, стихотворение Ани, дочери нашего однокашника Жоржа Новосельцева (22 в. Р.К.К.). Это ее первое стихотворение на русском языке, все остальные стихи на французском языке и часть их опубликована в Монреале, в Студенческом вестнике, а часть будет опубликована в Брюсселе.

Молодые сотрудники — журнал вас ждет — милости просим!

Павел Олферьев

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

БЛАГОДАРНОСТЬ.

Сердечно благодарю Владыку Виталия, отца Феодора, отца Олега с матушкой и всех друзей и однокашников, посетивших меня в госпитале и приславших ободряющие письма, а также всех членов Монреальского О.К.О. во главе с Председателем Георгием Левчуком, отслуживших молебен о здравии накануне моей операции.

Бывший Председатель О.К.О.
в Монреале
Е. М. Рубанистый.

"Подруга дней моих суровых..."
А. Пушкин.

Где ты девочка?..
На чулочках стрелочки,
Ледяные каблуки,
Легкое пожатие руки...
В суете вокзальной
— Стыдно целоваться,
В тесноте вокзальной
— Трудно расставаться...
Крестик на груди,
Синие погоны.
На втором пути
— Красные вагоны,
А за вагонами
— Все безпогонное
И — белая метель...
Где ты девочка теперь?..

А. Турозеров
35 в. Д.К.К.

...Мы много говорим о себе и повторяем,
Но о подругах тех дней, забываем.
Человеческая память эгоистична,
а они (Подруги) — слишком другие.
Недавно мне прислали письмо "оттуда"
в нем не было оскорблений, ни похвал,
но было желание общения, это — главное.
Я прочел это письмо и невольные слезы
затуманили глаза. Их (слезы) — я забыл
с давних пор.

Твой А. Т. (как знают меня)

«КРОНШТАДТ.»

Рождество Христово 1919 года не было похоже на радостный праздник, хотя во многих окнах серых Одесских домов и виднелись зажженные свечи на украшенных елках. Но они горели как-то особенно спокойно, освещая украшенные ветки, и были больше похожи на панихидные свечи, чем на праздничные.

Помню, на улицах было мокро, холодно и совсем не уютно. Большинство проходящих женщин были одеты в траур, с лицами покрытыми густой черной вуалью, а многие мужчины носили черные повязки на рукаве левой руки. Издали доносилась артиллерийская стрельба, к которой тревожно прислушивалось население Одессы и военные. Военных же было в то время много: французы, зуавы, англичане, итальянцы, сербы и русские добровольцы ген. Гришина-Алмазова. Одесский порт и рейд были полны военными кораблями и иностранные моряки наполняли рестораны на одесских улицах; не было бы большой ошибкой временно переменить название города Одессы — на Вавилон.

Артиллерийская стрельба приближалась к городу с каждым днем. В один из таких серых дней, нас в корпусе разбудили немного раньше обычного времени и приказали укладывать свои вещи. Быстро получили из цейхгауза корзинки и выбросили ненужные вещи из классных парт и ночных столиков, набивая тесно кадетские корзинки тем, что нужно было взять. Готовы были быстро. После завтрака, к зданию корпуса подошли заказанные крестьянские подводы, на которые мы стали складывать вещи. Когда все было готово, нас построили и, не объясняя и не спрашивая ничего, скомандовали: «шагом марш!» Вышли без оркестра, без барабана и даже без песен.

Усиленная артиллерийская перестрелка приблизилась, казалось, к самому городу; откуда-то доносились звуки пулеметных очередей и даже были слышны отдельные ружейные выстрелы. Становилось ясно, что горсточка большевиков побеждает «Вавилонские» армии, но мы лишь молча слушали и не разговаривали, пока шли в строю, тем более что нас больше интересовало, куда нас ведут? Через пару часов наше любопытство было удовлетворено. Наш новый командир роты, полк. Навроцкий, скомандовал: «Стой, Стоять вольно!» Мы

были в порту и нас остановили перед огромным серым кораблем, на носу которого большими буквами было написано название «Кронштадт». — «Это плавучая военная мастерская Балтийского флота», объяснил какой-то знаток из кадет. И пусть будет так, мы не спорили; мы устали от ходьбы и нам было совершенно безразлично. Рвеолюция, охватившая нашу родину, показала нам слишком много разных неожиданных фокусов, после которых какая-то плавучая мастерская нас совершенно не удивляла.

Эта серая огромная махина стояла пришвартовавшись к самой пристани. На палубе лениво передвигались матросы, а на корме шумно работала лебедка. Грузили вещи с подъехавших подвод. Длинный трап был спущен на пристань и по нему уже медленно поднимались чины какого-то авиационного отряда. После них, по распоряжению ген. Саранчева, быв. директора Сумского кад. корпуса, началась погрузка 3-й роты кадет. Ген. Саранчев был заместителем директора Одесского корпуса, полк. Бернацкого, который вместе с воспитателями и всей 4-й ротой корпуса остался в корпусном здании.

После погрузки 3-й роты, по команде на трап ступил левый фланг 2-й роты. Нас разместили в большом трюме, повидимому бывшей огромной столовой. Устраивались просто на полу, в таком же порядке и соседстве, как и в спальнях корпуса на кроватях. За 2-й ротой грузилась 1-я рота, которая была размещена в носовом трюме корабля. Потом погрузились институтки Одесского института, а за ними какая-то сборная офицерская часть и кто-то еще; в общем, на корабле насчитывалось пасажиров около полутора тысячь человек. При погрузке, конечно, не обошлось без происшествий: двое кадет 2-й роты умудрились упасть в море, угодив между кораблем и молом, причем один из них, Охримович, кое-как плавал, а другой, болгарин Стойчев, плавать не умел и наглотался соленой воды. Слава Богу, оба были спасены, вытащены из воды и отправлены в трюм для просушки, под смех и шутки остальных кадет. Оба тряслись от озноба и стучали зубами громко и быстро, а с палубы доносился грохот работающей лебедки, а в промежутках слышались крики грузчиков, то «вира», то «майна». Что означали эти таинственные слова, никого не интересовало.

К вечеру шум лебедки прекратился, ушам стало приятно, можно было нормально разговаривать, а не кричать и не надрываться. Вскоре за этим с палубы донеслись новые крики: «Отдай концы!», повторяющиеся несколько раз в настойчивой форме. — «Господа, кто успел спереть концы? Отдайте скорей, не то будут неприятности!», пытались острить некоторые кадеты, но никто не смеялся и даже не улыбался, както было не до острот.

«Кронштадт» медленно отходил от пристани, тяжело поворачивался и шел к выходу из Одесского порта. Команда на «Кронштадте» была военная, состоявшая из матросов Балтийского флота. Они лениво, но ловко, складывали канаты на палубе, молча бродили около спасательных лодок, что то завязывали, стягивали, а что-то и развязывали, одним словом занимались своим привычным делом, не отвечая на вопросы любопытных пасажиров и относясь к ним подчеркнуто недружелюбно. «Кронштадт» развивал ход, выходя из порта, миновал множество иностранных военных кораблей и вышел в открытое море.

С палубы виднелась Одесса, залитая электрическим светом и мигающими кое-где цветными рекламами. Было холодно и сыро. Все как-то сразу поспешили скрыться в свои трюмы и поудобнее устроиться на полу для спанья. Разговоры смолкали, вскоре свет был погашен и только в разных местах трюма тускло мерцали контрольные лампочки, вызывая еще больше сонное настроение.

Часа в три ночи «Кронштадт» вдруг вздрогнул. Толчек был такой сильный, что все сразу проснулись и был зажжен свет. Все с тревогой и недоумением смотрели друг на друга, с палубы доносился топот ног, какие-то крики и истерический плач институток. Чей-то тенор кричал наверху — «Тонем! Тонем!» По всему можно было судить, что на палубе была паника. Наш трюм быстро опустел, — все бросились наверх. И, действительно, на палубе происходила настоящая истерическая паника. Кто-то раздавал спасательные пояса, но их не хватало для всех, а потому ими снабжали только институток и младших кадет 3-й роты. Какой-то воспитатель из этой роты, с паническим криком — «Я не умею плавать!» — вырвал из рук одного кадета спасательный пояс и дрожащими руками надевал его на себя, многие бросились к спасательным лодкам. Но их на местах не оказалось, но и матросов тоже не было

видно, как это ни странно. Тогда старшие кадеты 1-й роты, видя всю панику, овладевшую даже некоторыми из наших офицеров, быстро организовались, соединились со 2-й ротой и на палубе ночью вдруг раздалось спокойное пение кадетского хора: « . . . В нас дух отцов богатырей и дело наше право, сумеем честь мы отстоять, иль умереть со славой!..» Песня за песней неслись по простору Черного моря, начиная успокаивать испуганных людей и вскоре паника улеглась. Часть старших кадет пошла разузнавать причины происшедшего толчка корабля, остальные же продолжали пение.

Вскоре все было выяснено. Оказалось, что матросы подложили в одно из помещений носового трюма «Кронштадта» адскую машину, сами погрузились во все лодки, имевшиеся на корабле, и под покровом ночной темноты незаметно покинули «Кронштадт». Надо полагать, что с офицерским составом корабля они расправились по-своему, или же забрали их с собой. Но как это им удалось сделать, об этом никто и никогда не узнает.

На пустом капитанском мостике не было никого. Руль был крепко закреплен, направляя корабль в одном направлении. Кадетами был быстро разыскан какой-то морской офицер, понимавший в управлении кораблем, и его попросили принять командование Было установлено, что закрепленный руль направлял «Кронштадт» на минное поле; в начале войны с Германией и с Турцией, как раз в этом месте Черного моря, где мы находились, был нами подбит немецкий крейсер «Гебен», который прошел через Босфор погулять и попугать прибрежные русские города. Газеты, в свое время, много кричали об этом и критиковали нашу оборону. Наделал «Гебен» много шума и в Крыму, и в Одессе, постреля немного по берегам, но толку от этого не было никакого, только сам получил артиллерийские гостинцы с берега и поврежденным ушел обратно.

Заплыв в самую середину минного поля, «Кронштадт» каждый момент мог взлететь на воздух и разорваться на части. Но в нашей среде не было ни страха, ни даже разговоров на эту тему; мы, конечно, знали что минные поля — это не шутка, но верили, что с нами ничего не случится. Знали, что бывают чудеса, да еще не такие! Чем мы хуже «Гебена», который гулял по минному полю, как раз по этим местам, и не взорвался, чего же нам беспокоиться, как нибудь пройдем. Ночь была

необыкновенно темная, небо было затянуто облаками. Машины «Кронштадта», к которым были приставлены кадеты, работали мерно. Полоски света из окон кают освещали воду за бортом на большое расстояние и вода эта, как течение в реке, пробегала около корабля куда-то назад, во тьму. Группа кадет, поставленная на самый нос «Кронштадта», заботливо вглядывалась в темную воду и искала мины, хотя в этой темноте нельзя было ничего разобрать. Но главное, что они исправно исполняли свою должность. Так полагалось по морским правилам и исполняющие такую должность называются «вахтенными»; в данном положении «Кронштадта», зашедшего в минное поле, служба эта была опасной и ответственной.

Капитан «Кронштадта» был энергичным и хладнокровным офицером. Из кадет 1-й и 2-й роты он сразу организовал всю команду корабля на все необходимые должности; кочегары встали к печам паровых котлов, были назначены и простые матросы, даже место радио-телеграфиста занял один офицер авиационного отряда, всем на быстроту коротко и ясно он объяснил их обязанности. Взрыв адской машины, от которого так сильно вздрогнул «Кронштадт», вышиб целую стальную плиту на правой подводной части на носу корабля и вода хлыла внутрь. Кадеты, опять под руководством капитана, быстро наложили толстый пластырь на дыру, которая образовалась от взрыва, другая же группа насосами выкачивала воду из носового трюма. Насосы не успевали выкачивать всю воду и она прибывала все больше и больше. Организовали вторую и третью группы, чтобы вычерпывать воду всеми имеющимися ведрами и выливать ее за борт по цепи, составленной из кадет. Но и это не помогало, вода все прибывала и прибывала. Паника среди пасажиров утихла почти совсем. Никому кроме кадет не было известно, что «Кронштадт» двигается между минами, в самой середине минного поля и что вода неудержимо прибывает. Поэтому, палуба постепенно начала пустеть, все забирались в свои трюмы, чтобы немного отогреться и по возможности вдзремнуть до рассвета. Мерно работавшие машины корабля успокаивали растрепанные нервы пасажиров и даже как-то убаюкивали.

Прибывающая в трюме вода накреняла очень заметно на правый бок серую махину корабля. На заре, которая зимой наступает довольно поздно, «Кронштадт» опять вздрогнул. На

этот раз толчок был настолько сильный, что многие даже чуть не упали. Машины остановились. Все проснулись и опять в панике бросились на палубу. Первая мысль у нас, кадет, была о том, что мы наскочили на мину. Но в наступающем рассвете можно было ясно разобрать, что перед носом «Кронштадта», приблизительно на расстоянии километра, успокаивает взоры черная лента холмистого берега, а корабль наш стоит совершенно неподвижно, среди спокойного моря, сильно накренившись на правую сторону. «Берег близко, значит можно и доплыть!» — мысль эта победила сразу панику, снова начавшуюся на палубе. Вскоре выяснилось, что наш капитан, успешно выведя «Кронштадт» из минного поля и видя, что вода все прибывает и грозит затопить корабль, решил искать мель, на которую и посадил нас. Хотя толчок, напугавший всех был очень сильным, но вода перестала прибывать, уровень ее стал постоянным и исчезла опасность потонуть, т. к. «Кронштадт» крепко врезался в песок.

С корабля понеслись по безпроволочному телеграфу первые просьбы о помощи — "S.O.S.", повторяющиеся каждые 15 минут. К 11 часам утра на горизонте показался английский крейсер. Он шел полным ходом по направлению к нам, но подойдя приблизительно на 500 метров, сделал два круга и так же быстро ушел. В 2 часа дня подошли 2 других английских корабля и остановились недалеко от нас. Видно было, как спускались шлюпки с матросами и как они гребли к нам. Они привезли с собой стальные тросы, которые прикрепили с обоих сторон кормы «Кронштадта». Пара матросов с флажками в руках остались у нас, а остальные пошли обратно. Через короткое время оба корабля стали нас тянуть с мели. Видно было, как сильно натягиваются тросы, как вскипает вода под винтами кораблей, но «Кронштадт» не двигался с места. Начались какие-то переговоры через рупоры, маханье флажками и быстрое, и медленное, опять натягивались тросы и опять тянули без результата. «Тянут, потянут, вытянуть не могут», шутили кадеты: «Надо позвать Бабку, да Дедку!»

После повторных криков в рупоры на непонятном языке, мы получили с капитанского мостика приказание, которое заключалось в том, что все пасажиры «Кронштадта» должны были выйти на палубу и собраться у левого борта. По знаку с мостика, все сразу, быстро, должны были перебежать на правый борт и снова, по новому знаку, бежать обратно на левый

борт. Началось что-то похожее на игру; пасажиры забегали по палубе то туда, то обратно. Стало весело и захотелось даже подпрыгивать на бегу. Так бегали и бегали, так что даже стало казаться смешным, но вдруг «Кронштадт» закачался и постепенно стал сползать с мели, продолжая по инерции покачиваться. Оба английские корабля подошли к нам вплотную с обеих сторон, прикрепили нас к себе канатами и наше путешествие началось снова. Мы шли в виду берега, обратно к Одессе. — «Неужели же в руки большевиков?» тревожно спрашивали друг друга офицеры, которые потеряли свой авторитет в наших глазах во время паники. «Возможно, что так!» повторяли они, еще больше нервируя себя своими ответами. Мы же относились к этому как-то пассивно, веря что и на этот раз избежим беды. А «Кронштадт» зажатый между двумя кораблями, как арестованный шел обратно в Одессу.

Вода в трюме, немного медленнее чем раньше, но все же прибывала и прибывала. Уже были залиты все нижние трюмы, в потухнувшей кочегарке вода была уже по колено. Опасались взрывов еще не остывших котлов. Машинное отделение тоже наполнялось водой и «Кронштадт», хотя и был прикреплен канатами с двух сторон, давал крен направо все сильнее и сильнее. Опять заработал радио-телеграф, на этот раз на борту английских кораблей. Надвигались вечерние сумерки, как вдруг с треском лопнули канаты между «Кронштадтом» и правым английским кораблем и наше судно резко еще больше наклонилось вправо и потянуло за собой левого «англичанина», на котором засуетились и быстро отвязались от нас. «Кронштадт» пошатнулся и почти что лег на правый борт. Оба английских корабля отошли подальше от нас. На горизонте уже были видны зажженные фонари на Одесских улицах и кое где мигающие рекламы.

В наступающих сумерках виднелись силуэты стоящих на рейде иностранных военных судов, награжденных кадетами прозвищем «коршуны», и какой-то корабль, быстро идущий по направлению к нам. Все ближе и ближе, уже можно было прочитать, что на носу золотыми буквами было написано «Александр Михайлович». Он шел быстро и так же быстро подошел вплотную к правому борту «Кронштадта» и пришвартовался к нему. С нашего капитанского мостика раздалась команда: «Приготовиться к перегрузке! Сначала женский институт!»

Пока еще дисциплина держалась на высоте и перегрузка институток прошла в порядке. Следующими следовали кадеты 3-й роты и все шло сначала нормально, но когда перешла половина роты, «Кронштадт» резким движением еще больше накренился; началась опять паника и перегрузка пошла без очереди, кто как и где мог успеть, перелезал или перепрыгивал через борт. С капитанского мостика спокойно и строго послышалась команда: «2-я рота на левый борт!» Приказание было немедленно исполнено, правый борт «Кронштадта» приподнялся и переход остальных людей произошел более или менее в порядке. На «Александре Михайловиче» была французская команда. Наша 2-я рота терпеливо все еще находилась на левом борту «Кронштадта», а «Александр Михайлович» по французской команде быстро отвязался и стал медленно отходить. Мы все видели, как ген. Саранчев стал возмущенно требовать от французского капитана пристать обратно для перегрузки 2-й роты, но француз невозмутимо объяснял генералу, что его корабль перегружен и не может больше принять пассажиров, без опасности самому перевернуться.

Генерал Саранчев безпомощно заплакал, встал на колени перед французским молокососом и сложа руки, как на молитву, умолял этого субъекта не обрекать кадет на гибель. Мы стояли молча на левом борту «Кронштадта» и нам было унизительно стыдно и больно за нашего доброго генерала. Наших воспитателей с нами не было, они успели перегрузиться во время. Нам не хотелось ни смотреть, ни слушать, ни думать; кто-то из кадет смущенно попытался острить, сказав: «Вот и приехали в Париж!»

«Кронштадт» наклонялся все больше и вдруг его корма стала медленно подыматься, а нос стал опускаться в воду. Трап, висевший с правой стороны борта, неожиданно зацепился за верхнюю палубу «Александра Михайловича» и, чтобы освободиться от него, он должен был опять подойти вплотную к «Кронштадту». Кто-то вызывающе громко спросил: «Что ж, мы во Франции или в России?» и как ответ на этот вопрос, 2-я рота рванулась на палубу «Александра Михайловича». На возмущенные крики французика, который вытащил из кобуры револьвер и угрожал стрелять, никто не обращал внимания и перегрузка прошла быстрее, чем можно было ожидать, а французского крикуна окружили здоровяки 1-й

роты, да и «Александр Михайлович» совсем не думал переворачиваться, а освободясь от «Кронштадта», медленно отошел от него, направляясь к Одессе. Француз продолжал что-то картавить, но был беспомощен. «Ох, и была бы из него яичница, если бы хоть раз выстрелил!», почесывая руки и расходясь от него, ворчали кадеты 1-й роты.

Все наши вещи, а главное съестные припасы, остались на «Кронштадте». На рейде Одессы, совсем недалеко от самого порта, сразу за молом, разделяющим порт от рейда, стоял на якоре маленький корабль торгового флота. К нему мы и подошли. Из злобы, или для удовлетворения своего оскорбленного французского самолюбия, французик приказал перегрузить на этот корабль 2-ю роту. После новых резких, но коротких объяснений с ген. Саранчевым, мы получили распоряжение перегрузиться. Перелезали медленно, прощаясь с друзьями, весело шутя и посылая воздушные поцелуи по направлению капитанского мостика.

«Александр Михайлович» быстро отошел от нас и скрылся в темноте наступающей ночи. Мы разбрелись по нашему новому помещению, подыскивая себе места и стараясь устроиться на них поудобнее. Принимая во внимание, что с момента погрузки на «Кронштадт» мы еще ничего не ели, легко понять что мы были озабочены поисками продуктов питания на этом нашем новом корабле. Но было темно, света на нем не было, спички следовало беречь для курения и, поэтому, решив дожидаться утра, мы легли спать голодными, кому где удалось устроиться. Море начинало бушевать и наше корыто качалось на волнах, как скорлупа от ореха, но это было даже кстати, т. к. убаюкивало и нагоняло сон. Спали хорошо и спокойно. Утром проснулись рано и начали знакомиться с нашим поплавком. Выйдя на палубу, увидели перед нами Одессу, залитую солнечным светом, во всей ее красе, украшенную красными флагами почти на каждом доме. Налюбовавшись этой неприятной картиной, мы установили что являемся первым кораблем, стоящим на рейде так близко от совершенно пустого порта. Почувствовали, что появилась опасность неожиданного ночного нападения или обстрела днем, с берега. Установили дежурства.

После этого узнали, что наш тральщик, или грузовик, носит название «Паванна». Скоро нашли трюм, нагруженный мешками риса и сундуками с апельсинами. Это открытие было,

пожалуй, самым радостным. Нашли и помещение кухни в полном порядке, с огромным запасом дров, разных размеров и сортов кастрюль, тарелок, чашек и чайников. Нашли и огромный танк, наполненный вкусной пресной водой, а также и исправный электрический мотор, дающий свет всему кораблю. Сразу же пустили его в ход. Топки были пусты, паровые котлы холодные, угля не было нигде, но машинное отделение было в порядке. Но зато помещения кают и трюмы напоминали собой нечто, подвергшееся неожиданному нападению пиратов в давние времена. Все было разломано, побито и разбросано. Кучи пустых бутылок от всяких напитков, окурки папирос и настоящий ковер из скорлупок семячек на полу говорили, что тут было веселое празднование хулиганов.

Наши добровольные повара приступили к стряпанью еды, комбинируя рис с апельсинами к завтраку, апельсины с рисом к обеду и рис без апельсинов к ужину. Другие занялись общей чисткой помещений. Горячий кипяток вместо чая можно было получить уже через 25 минут. Через несколько часов «Паванна» уже выглядела совсем иначе и даже приобрела уютный вид. Проходили дни и ночи, про нас видимо забыли. В солнечные дни мы изучали с палубы Одесский бульвар, пустой порт, стоящие вокруг на рейде военные суда «коршунов», с направленными на город орудиями для устрашения, смотрели в воду, а в ясные вечера разглядывали звезды на небе. Других занятий не было. Без конца питались рисом и апельсинами, и разместившись уютной компанией в кружок, под разные рассказы друзей попивали кипяток и не унывали. Однажды подошла лодка с французскими матросами. По спущенному трапу они поднялись к нам; француз, морской офицер, долго о чем-то разговаривал по французски с полк. Навроцким, потом сел в лодку и отчалил по направлению ближайшего крейсера. Через несколько часов мы заметили катер, быстро идущий к нам. Оказалось, что наши добрые союзнички привезли нам хлеб. Наше меню улучшилось, кроме риса и апельсинов мы получили наш православный, солдатский русский хлеб, правда немного суховатый, но главное не французский, а действительно наш. Казалось, что вкуснее этого хлеба нет ничего. С этих пор, каждый день утром, точно как по часам, к нам подходил катер и привозил хлеб.

Один за другим пролетали дни беззаботной жизни на рейде. Некоторые шутили, что если бы еще какой-нибудь катер стал

доставлять нам по утрам молоко, то можно было бы совсем вообразить, что мы богачи и проводим каникулы на собственной яхте. Но однажды, вместе с привезенным хлебом, к нам поднялось несколько французских матросов и офицер, которые остались у нас. Наших поваров сменили, как потом выяснилось, итальянцами на французской службе. Капитанский мостик ожил, а «Паванна» украсилась сигнальными флажками, которые то подымались, то спускались на мачте. — «Держись, Ванька, начинается!» шептали наши остряки. Наша жизнь переменилась и питание улучшилось, т. к. теперь тот же рис давали с каким-то сладким, ароматным соусом со вкусом апельсина и тот же хлеб. Эта горсточка матросов была очень дружелюбна и симпатична и мы с ними просто подружились; иначе и быть не могло, когда они так сердечно снабжали нас папиросами.

Однажды утром, когда с моря дул особенно сильный ветер, мы любовались как мощные, бушующие волны разбивались о камни мола, разделяющего порт от рейда. Насколько море на рейде бушевало, вздымая высокие волны, настолько в самом порту оно было спокойно и даже напоминало зеркальную поверхность озера. Внимание наше было привлечено к берегу, где от Одесского бульвара отчалила лодка, в которой виднелись силуэты двух людей. Они усиленно гребли и лодка довольно быстро скользила по гладкому морю, по направлению к выходу из порта. Когда она достигла середины, с берега раздались ружейные выстрелы и пули стали ложиться вокруг лодки, поднимая высокие фонтаны в спокойной воде. Когда эти фонтаны были особенно близки к лодке, гребцы бросали весла и ложились на дно. Стрельба прекращалась, но когда через короткий промежуток люди поднимались и гребли опять, выстрелы начинались снова, и так продолжалось довольно долго. Мы с волнением наблюдали за этой картиной, всецело держа сторону гребцов на лодке и инстинктивно желая им помочь: раз они на воде и по ним стреляют, значит они принадлежат к нашему лагерю. Кто-то предложил открыть стрельбу по берегу, но у нас только несколько человек имели винтовки. Когда они вынесли их на палубу, энергично вмешался капитан-француз, категорически запретив открывать огонь; по его словам, это могло нарушить соглашение между французами и войсками, занявшими Одессу (не называя их большевиками). О существовании каких-либо соглашений мы еще

тогда не имели никакого понятия и узнали о них значительно позже, но принуждены были разочарованно покориться, сжимая кулаки в бессильной злобе.

Между тем, лодка была уже на расстоянии всего около 30 метров от камней волнореза, когда стрельба с берега особенно усилилась. От фонтанов воды, подымавшихся от пуль, лодку временами было почти не видно. Гребцы снова упали на дно и на этот раз особенно долго не поднимались. Ветер дувший с моря стал сносить лодку обратно к берегу, но обстрел лодки прекратился. — «Повидимому, оба убиты!» — выразил вслух свою мысль кто-то из наших кадет, но мы молча продолжали наблюдать за лодкой. Но тут вдруг из нее поднялась одна фигура, быстро скользнула через борт в воду и поплыла по направлению к молу. Было ли это замечено с берега, или нет, — неизвестно, но оттуда больше не стреляли. Второй беглец из лодки не поднимался, а ветер продолжал медленно нести ее к берегу. Общее внимание сосредоточилось на плывущем человеке. Он подвигался быстро и приближался к волнорезу, отделявшему порт от рейда и составленному из больших каменных кубов, которые тянулись высокой и длинной лентой. С нашей стороны об этот мол с силой разбивались высокие волны, поднимаясь пенистыми брызгами и полностью заливая камни белой пеной.

Именно к этим камням и приближался плывущий. Вот он уже уцепился за камень и вскарабкался на него, но налетевший вал с силой смыл его обратно в воду. Опять уцепился, опять влез, машет рукой и что-то отчаянно кричит, но опять его смывает вал. Так продолжается долго. Нервы напряжены, — как ему помочь? Нельзя же допустить, чтобы человек, спасшийся от большевиков, погиб на наших глазах у нас под носом. — «Лодку бы послать», слышались голоса кадет. Кто-то побежал к полк. Навроцкому, кто-то из умеющих говорить по-французски — к капитану, прося разрешения спустить лодку и спасти человека. Но француз и слышать не хотел о таком риске, объясняя что вмешательством в такое щекотливое дело можно вызвать вооруженную стычку, нарушение договора и много неприятностей и выговоров от своего начальства. Делать было нечего, все находившиеся на «Паванне» столпились на корме и с тревогой наблюдали за волнующей картиной.

Видя безвыходное положение беглеца, пара кадет приняла быстрое решение. Побежали к своим приятелям, французским

матросам, каким-то образом объяснили им суть дела, больше жестами, чем словами, и уговорили спустить лодку и спасти человека, утаив что капитан «Паванны» этого не разрешает. Никто и не заметил, как с носа нашего корабля быстро спустилась на воду единственная наша спасательная лодка, в которой уже находились смелые заговорщики и матросы. Капитан-француз как раз горячо объяснялся с полк. Навроцким, когда лодка, качаясь на волнах, прошла уже довольно далеко от «Паванны», по направлению к молу. Когда капитан-француз их заметил, он побледнел как полотно и стал что-то неистово кричать и махать руками. Не знаю, слышали ли его гребцы, или шум ветра и волн заглушал отчаянный вопль капитана, только лодка все ближе подходила к молу и гребцы, повидимому, не думали о возвращении. Человек в воде попрежнему пытался ухватиться за камни, хотя чувствовалось что он изнемогает; но при виде приближающейся лодки, силы к нему вернулись, он быстро забрался на верх каменного мола и, не ожидая чтобы волна его снова смыла, бросился в набегающий вал со стороны рейда. Один момент казалось, что волна разобьет его об острые камни, но судьба улыбнулась пловцу. Белая пена закрыла его от наших взоров, а отходящая волна отнесла от камней. Когда его голова снова появилась на поверхности, он был уже довольно далеко от мола, а расстояние между ним и лодкой все уменьшалось. Это было удачно для всех, т. к. лодка не могла подойти к острым камням со стороны открытого моря, без опасности разбиться в мелкие щепки, а одновременно разбились бы и отважные гребцы.

Наконец мы увидели, как истомленный человек подплыл к лодке, как гребцы ухватили его за руки, втащили в лодку и пошли назад. Француз-капитан, с выражением полного отчаяния на лице, ушел в свою каюту, сильно хлопнув дверью. С радостью и с любопытством мы следили, как лодка причалила к кораблю и как ее начали подымать наверх. На дне лодки, тяжело дыша и закрыв глаза, лежал молодой человек одетый в форму французского матроса. Лицо его было избито, покрыто крупными синяками и опухшее, из рук, покрытых ранами и царапинами, сочилась кровь и окрашивала в розовый цвет воду, которая текла из мокрой одежды спасенного человека. Его перенесли в каюту капитана, который больше не ругался и вполне успокоился. Он смущенно благодарил своих

смелых матросов и сигнализировал флажками на соседний крейсер о случившемся. Оттуда он получил ответ, но мы не смогли узнать, что ему передали.

Наши взоры снова привлекла лодка в порту, которую ветер почти подогнал к берегу, где уже как муравьи толпились люди. Из рассказа спасенного французского матроса выяснилось, что вторым человеком в лодке был наш офицер доброволец; он был тяжело ранен и, по мнению матроса-француза, должен был умереть прежде, чем лодка пристанет к берегу. Оба они были пойманы в Одессе красными, арестованы, избиты и приговорены к расстрелу со многими другими. Им двоим удалось бежать, когда их вели на расстрел; скитаясь и скрываясь в погребах домов, они добрались до порта, овладели лодкой, но были замечены... все остальное нам уже было известно самим.

Странные и удивительно разные понятия встречаются у людей разных наций; нам, кадетам, казалось несомненным, что если бы раненым оказался французский матрос, то наш офицер не выскочил бы из лодки в воду, а попытался бы вывести лодку с раненым из порта, или же сам бы погиб вместе с ним. Хотя м. б. это так только казалось нам из-за затаенной обиды в душе за русского офицера.

Лодка уже совсем подошла к берегу, но не было слышно никакого выстрела. Это успокоило нас и прогнало тяжелые опасения, витавшие в наших головах. Темнота наступала быстро. На бульваре зажглись огни и приставшая к берегу лодка утонула во мраке наступившей ночи. На другой день спасенного француза увезли куда-то на «хлебном» катере. В этот же день, немного позже, к нам подошел большой катер, который с трудом снял нас с якоря и потащил на буксире куда-то в глубину рейда. Уже далеко, за всеми военными судами, стоял на якоре угольщик, такой же заброшенный и забытый как «Паванна; нас подвели к нему и пришвартовали к его борту. По распоряжению капитана, мы начали большими корзинами перегружать уголь на «Паванну». Лебедка была испорчена и грузить пришлось вручную. Работала вся рота с раннего утра до позднего вечера, и так несколько дней.

Наконец, настал день, когда по окончании нашей работы мы решили исследовать этот заброшенный корабль и маленькими группами в два, три человека расползлись по трюмам и каютам угольщика. Первое впечатление заставляло тревож-

но думать о тех ужасах, которые здесь происходили перед тем, как его покинула команда. Машинное отделение было разбито до виртуозности, котлы пробиты и забрызганы кровью, на грязном полу в узких коридорах тоже встречались лужи засохшей крови. Осколки стекла, пустые винтовочные гильзы и следы пуль, — вот что мы находили на каждом шагу, причем на корабле не оставалось ни одной лодки. Между прочим, их не было и па «Паванне», за исключением одной, вероятно случайно забытой. В узких коридорах было темно, электричество было испорчено. Наша группа бродила внизу, заглядывая в каюты, повидимому недавно еще принадлежавшие матросам из команды этого корабля. Пустые бутылки от водки, разбитые и целые, были едиственными предметами, которые мы находили в каютах. Переходя из одной в другую, мы подошли к железной двери, у которой было маленькое окно с решеткой. Дверь была закрыта на большой висячий замок: маленькое помещние за ней, повидимому, предназначалось для кладовой или для магазина. Любопытство толкнуло нас заглянуть через решетку во внутрь. И вдруг оттуда на нас выглянуло худое, изможденное лицо живого человека. Исхудалыми руками, обнажая грудь, покрытую грязной, измятой рубашкой, он заговорил хриплым голосом: «Убейте меня, я больше не могу, убейте!» От такой неожиданности, при всей нашей храбрости, мы бросились бежать наверх из темного коридора, перегоняя друг друга.

Захлебываясь от волнения, мы доложили полк. Навроцкому о том, что видели, а он передал это французу-капитану; уже минут через двадцать французские матросы вывели под руки высокого худого человека, еле державшегося на ногах, заросшего рыжей бородой, грязного, одетого в морскую форму торгового флота. Оказалось, что это был капитан этого угольщика; матросы, перед своим уходом с корабля, избили его до бесчувствия, закрыли на замок в этой маленькой кладовой, предварительно унеся все съестные припасы и запас пресной воды. С остальными разделались по своему, просто перестреляли и побросали в воду, а сами на спасательных лодках ушли ночью в Одессу. Что было с этим бедным капитаном дальше, нам неизвестно. Его с «хлебным» катером перевезли на французский крейсер и мы не узнали его дальнейшую судьбу.

На другой день мы, кочегары, затопили печи под котлами и начали поднимать пары. Приблизительно после двадцати

часов, к вечерней заре торжественно снялись с якоря. С «Паванны» раздался длинный, густого баса свисток, сопровождаемый облаком вылетающего пара, и мы пошли довольно быстро, разрезая небольшие волны открытого моря. Одесса оставалась сзади. Кое где мерцали зажженные рекламы и виднелись фонари Одесского бульвара. Уже в наступивших сумерках «Паванна» прошла недалеко от запотленного корабля. Из воды только торчали длинные мачты, наклоненные вправо, и часть кормы, на которой можно было ясно прочесть надпись белыми буквами «Кронштадт». — «Это военная плавучая мастерская Балтийского флота», заметил опять знакомый голос знатока кадета: — «Неплавающая, а ныряющая», поправил его один из остряков.

Было тихо и спокойно. Перед нами колыхалось Черное море, на западной части неба краснели облака. За бортом ясно доносились всплески воды. Это кадеты бросали за борт свой ужин, рис с апельсинами, а запоздалые чайки, летевшие за «Паванной», с жадными криками набрасывались на эту добычу, как на какой-то неведомый до сих пор деликатес. Права была поговорка, что на вкус и цвет товарища нет!

Куда мы шли, никто из кадет не знал, но нас это мало интересовало. Было приятно двигаться, после долгого стоянья и после всего пережитого. Погода была дивная, море довольно спокойное, время проходило быстро и весело. Наблюдали за чайками, провожавшими нас из самой Одессы, любовались дельфинами, прыгавшими вокруг нашего корабля, и внимательно вглядывались в горизонт, надеясь увидеть землю. Но земли нигде не было, только море, море и море!..

Кто-то из кадет заметил приближающийся к нам в воде большой белый предмет и объявил первое, что ему пришло в голову: «Мина!» Но окзаалось, что это был лишь большой пакет, связанный простыней, упавший повидимому с какого-то корабля. Началась ловля пакета; когда его поймали и вытащили, то рассмотрев его содержимое, увидели что он состоял из платьев, белья, чулок, ботинок и прочих вещей женского туалета. Кадеты разобрали вещи и в скором времени на нашей палубе устроили настоящий маскарад. В длинных платьях, в ботинках на высоких каблуках, в шляпках и с открытым зонтиком, неуклюже прогуливались переодетые кадеты, вызывая громкий смех у остальных. Но это быстро надоело.

После нескольких дней беззаботного плаванья, уже совсем под вечер заметили вдали полоску земли. К утру эта полоска превратилась в высокие горы и наша «Паванна» вошла в порт Нороссийска и пришвартовалась к пристани. На ней толпились жители города, ожидавшие вновь прибывший корабль и с любопытством, рассматривая нас, вступали в разговоры и засыпали вопросами. В этом шуме разговоров выделился громкий женский голос, кричавший нам наверх: «Кадеты, есть ли между вами кадет Буйневич, или кто-нибудь знает, где он?» Много голосов кадет сразу ответили на это, а я, тоже стоявший на палубе «Паванны», на ее носу, узнал голос моей матери, с которой я давно уже потерял всякую связь из-за происшедших политических событий. Такая неожиданная счастливая встреча привела меня в восторг и я поспешил к спущенному трапу, чтобы сойти вниз на пристань. По нему уже спускались матросы, а передо мной вступил на него кадет Рогойский старший. Трап был очень крутой и по нему ходили медленно. Не успел я сделать и трех шагов, как послышался треск, трап сломался и все мы, в один момент, очутились в воде между кораблем и пристанью.

Раздались крики, произошла суматоха и нам начали бросать спасательные круги. Конечно, очень спешили, т. к. была опасность, что наш корабль, который волны прижимали к пристани, мог легко нас раздавить, тем более что расстояние заметно уменьшалось. Не ожидая помощи, я сразу поплыл к выходу из этого узкого прохода. Рогойского вытащили наверх, а я плыл до того места где находились моторные лодки, и вылез на ступеньки пристани. Моя мать почти потеряв сознание, стояла поддерживаемая какими-то офицерами. Я поспешил к ней. С меня лилась вода, мокрая одежда прилипала к телу, из сапог брызгали фонтаны и мешали идти нормально. Мой вид был, наверное, смешон, т. к. мои товарищи весело смеялись, смотря на меня. Впрочем, смеялся и я сам. С мамой я уехал сушиться на их квартиру, где остался и спать. На другой день утром я пошел на пристань, но «Паванны» уже не было, она ушла прошлым вечером, унося моих товарищей 2-й роты в Туапсе. Так я и не смог попрощаться, а со многими из них уже не встретился больше никогда.

Проходило время, все мы ушли из России и в Югославии образовались кадетские корпуса, сохранившие старые традиции и великую любовь к Родине. Вторая Мировая война снова

разрушила нормальную жизнь и разбросала кадет по всему миру. Как-то, в конце уже 1945 года, мне пришлось пролетать над побережьем Адриатического моря. В одном из мест был виден затопленный корабль. Из воды торчали наклоненные в правую сторону мачты, а на корме, торчавшей из воды, можно было прочесть надпись «Куманово». Вспомнился «Кронштадт» и вдруг возникла в памяти статья из сербской газеты «Политика». В ней говорилось, что ген. Врангель подарил Королевству С.Х.С. пасажирский пароход «Александр Михайлович», которому дали новое имя «Куманово» и что это очень было полезно для королевства. В этой же статье приводился и протест французского правительства, которое настаивало на том, что вся флотилия ушедшая из России, должна была быть поставлена в Бизерте. Все это вспомнилось так живо, что сердце сжалось от обиды. Так вот где опять встретился мне этот корабль! Давно уже воды смыли следы слез генерала Саранчева с твоей палубы, но из памяти это не изгнать и забыть это невозможно.

Леонид Буйневич
IV в. Рус. Кад. Кор.

МАРИБОРСКИЕ ЮГОСЛАВЯНСКИЕ КАДЕТЫ

Непосредственно после Первой мировой войны, с 1919 по 1921 год, существовала в окрестностях Марибора «Высшая военная реалка». Комендантом школы был кавалерийский полковник Яковлевич. До этого времени, при Австро-Венгерской монархии, здесь находилась "Militaer — Oberrealschule“ и на фасаде большого импозантного здания школы было полукругом написано крупными буквами "Franz Josef I“.

Когда распалась Австро-Венгрия, осенью 1918 г., Марибор отошел к Королевству Югославии (Вначале называлось Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев) и школа получила название «Королевская Высшая Военная Реалка». В школу собрались только кадеты югославяне 6 и 7 классов из многих кадетских школ бывшей монархии. По окончании школы они поступали в Югославянское Военное Училище в Белграде, по окончании которого выходили в чине подпоручика в разные рода оружия. Преподавали в военной реалке военные — офицеры (в большинстве своем мобилизованные преподаватели средних школ) и, частично, преподаватели Мариборской гимназии.

Кадеты 7 класса Высшей военной реалки весной 1921 г. В середине сидит комендант, полковник Яковлевич.

В 1920/21 учебном году мы узнали, что в Стрнище, около Марибора, в бараках бывшей военной больницы, расквартирован Русский Кадетский Корпус (кадеты и их воспитатели и преподаватели с семьями). Тогда комендант школы, полковник Яковлевич, решил с делегацией преподавателей и кадет посетить Кадетский Корпус в Стрнище. Я был в числе представителей кадет.

Встреча кадет Мариборской реалки в Стрнище. В глубине дороги виден строй прибывших кадет.

Делегация была принята очень сердечно и по этому поводу было предложено обильное угощение. Встреча прошла в очень хорошем настроении. Хозяева со своими дамами танцевали

русские народные танцы и пели под аккомпаниммент балалаек. Члены нашей делегации были очень расстроены, видя в каких бедных, полных лишения, условиях находятся русские кадеты (спали на досках).

Комендант школы принимает рапорт по прибытии во главе делегации в Стрнище

Торжественная встреча в Стрнище — исполнение югославянского гимна.

Через некоторое время в Высшую военную реалку прибыла делегация воспитателей и кадет из Стрнища с ответным визитом. Прием был очень сердечным и радостным. После обильной закуски в большом и красиво декорированном гимнастическом зале был устроен вечер с танцами.

Ответный визит кадет из Стрнища в Марибор. Слева гости, на правом фланге кап. Трусов. Посередине Ген. Римский Корсаков, полковнин Яковлевич и полк. Колосовский. Справа хозяева.

В июле 1921 г. последний выпуск Высшей военной реалки закончил экзамены и был отпущен по домам с тем, чтобы 1 сентября явиться в Военное училище в Белграде. После этого реалка была закрыта, а в здание школы помещено Инженерное унтерофицерское училище.

В то время позади главного здания был большой, хорошо распланированный лес и в нем бассеин для плавания, а перед зданием было два футбольных поля и шесть тенисных площадок.

Вот что вспомнилось о тех далеких днях.

Х.

«ЧЕРНАЯ ДАМА».

В числе кадет первого выпуска Крымского Корпуса находился подпоручик Хасанов, кажется, бывший пскович, произведенный в офицеры за боевые отличия, но не окончивший корпуса. В Срнище его, в виде исключения, приняли в седьмой класс, но на несколько особом положении: он посещал

уроки и экзамены сдавал вместе с нами, но жил не в роте, а в офицерском бараке и со своими одноклассниками общался мало, хотя пользовался среди них, как офицер, некоторым авторитетом.

И вот, однажды, раннею весной, когда леса вокруг нашего лагеря оделись свежей зеленью и приобрели особо-притягательную прелесть, четверо кадет семиклассников, удравших от скучного урока и мирно резавшихся в подкидного дурака под разлапистой елью, с удивлением увидели Хасанова, во всю прыть бегущего по тропинке к лагерю. Заметив кадет, он свернул со своего пути и тяжело плюхнулся возле них на траву.

— Что случилось? — с естественным любопытством спросил один из игроков.

— Случилось такое, что и рассказывать неохота, — не сразу ответил Хасанов, — потому, что сам понимаю: вы мне едва ли поверите.

— Ну, а все же?

— Форменная чертовщина, и что всего удивительнее, среди белого дня! Забрел я, понимаете, довольно далеко в лес. В самом спокойном и благодушном настроении медленно иду по тропинке, среди зарослей; в руках у меня конспект по космографии, поглядываю в него и зубрю на ходу Мишкины *) орбиты и созвездия, только вдруг взглянул ненароком вперед и вижу: навстречу мне, еще довольно далеко, движется женщина в черном платье и под черной вуалью. Меня это вначале почти не удивило, — мало ли в лагере всякого бабья, да и траур в наше время вещь вполне обычная. Иду спокойно вперед и разглядываю незнакомку. Фигура тонкая и стройная, только показалась она мне необычайно высокой. За травой и кустиками ее ног я вначале не видел, но вот, когда между нами оставалось уже шагов двадцать, вдруг вижу, что ногами она земли не касается, а медленно летит над нею на высоте примерно полуаршина! Меня словно колом под сердце ударило. Упал я лицом в траву и ни жив ни мертв пролежал так минут, должно быть, пять, а когда поднял голову, никого уже поблизости не было.

---

*) Мишкой у нас прозывался полковник Михаил Михайлович Цареградский, преподававший в корпусе космографию.

Хасанов был человек вполне взрослый, серьезный и уравновешенный, — трудно было заподозрить его в злостном вранье. Через два-три дня об его приключении знал весь лагерь. Местных жителей — словенцев оно не удивило: оказывается, «Черная дама» была им хорошо известна и они нам рассказали ее историю. По их словам, лет сорок тому назад, жену местного магната — барона, — замок которого находился в нескольких верстах от Стрница, — нашли в этом лесу зарезанной. Тайна этого преступления никогда не была раскрыта, но с той самой поры призрак убитой баронессы временами появляется в лесу, почти всегда днем.

Разумеется, за Черной дамой сейчас же начали усиленно охотиться кадеты, крымцы и донцы, небольшими группами рыская по зарослям и по глухим лесным тропам. Однако проходили дни и недели, а призрак больше не появлялся. Правда, некоторые кадеты, бродившие по лесу в одиночку, уверяли, что его видели, но за отсутствием иных свидетелей и доказательств, это, по общему мнению, было просто фантазией.

Но, согласно известной коммерческой формуле, когда на что-либо возникает спрос, неизменно появляются и предложения. Так вышло и в данном случае.

Однажды вечером, собираясь идти на очередные «страдания» (так у нас назывались ухаживанья), кто-то из нашей постоянной компании кадет семиклассников промолвил:

— Вот было бы здорово, если бы нам, наконец, повстречалась сегодня Черная дама! Воображаю, какой писк подняли бы девочки!

— И ты бы выступил в роли защитника и спасителя Фимочки, — отозвался другой.

— С нами будет не одна Фимочка. Сообразно этому, каждый мог бы должным образом проявить свое рыцарство и по мере способностей воспользоваться создавшимся положением.

— Это отличная идея, ребята, — сказал я. Когда будет совсем темно, выводите барышень в лес, а встреча с Черной дамой вам обеспечена. Это я беру на себя.

Договорившись со мной о маршруте, вся компания вскоре отправилась в семейный барак, за барышнями, а я приступил к превращению себя в Черную даму. Учитывая, что ночью она должна обращаться в белую, — иначе ее не будет видно, — я соорудил себе соответствующее одеяние из простыни,

сверху накинул черную бурку и к десяти часам вечера был уже в лесу, на условленном месте.

Вскоре издали послышались голоса и на дорожке показалась вся наша шатия. Я медленно пошел навстречу и когда убедился в том, что ими замечена приближающаяся черная фигура, внезапно остановился и распахнул бурку. Крики ужаса, истерический визг и суматоха, среди которой почти все барышни сразу оказались в объятиях у кадет, — свидетельствовали о том, что я старался не даром. Сделав еще несколько бесшумных шагов вперед, я снова завренулся в бурку и мгновенно «исчез» в тени огромной ели.

Паника на дорожке постепенно улеглась и некоторые из кавалеров отважно бросились вперед, к тому месту, где было замечено привидение.

— Мишка, получилось замечательно эфектно, — шепнул мне Лонгин Лазаревич, наш генерал выпуска. — Продолжай и дальше в том же духе.

И я продолжал. Вторичное мое «появление» вызвало почти такую же реакцию, но при третьем уже почувствовалось, что наши дамы заподозрили истину. Ввиду этого, когда вся компания уселась на уютной полянке, я разыграл роль привидения в последний раз, после чего, во всем своем маскараде, присоединился к остальным.

Было много смеха и мы очень весело провели время до полуночи. Однако эта памятная прогулка едва не закончилась для меня плачевно. Уже по пути домой, мы неожиданно услышали шум шагов и голоса на боковой тропинке. Не могло быть сомнения в том, что это другая гуляющая компания кадет, может быть тоже с барышнями, и я решил мимоходом попугать. Но тут появление «призрака» произвело совершенно иной эфект.

— Ага, вот он, собачий сын! Лови его, ребята! Сейчас мы ему покажем как людей морочить! — раздались крики и ко мне ринулось человек десять кадет-донцов. Отношение между нашими корпусами на первых порах было не весьма дружественным, и мигом сообразив, что в случае поимки мне основательно наломают ребра, я бросился наутек. К счастью, нырнув в лесную чащу, благодаря бурке мне довольно легко удалось уйти от преследованья и благополучно возвратиться домой.

М. Каратеев.

НЕМНОЖКО О СПИРИТИЗМЕ.

(Воспоминание кадета Ф. Кадушкина)

О лагере «Стрнище при Птуе» уже раньше много писалось, что он представлял из себя, поэтому не буду об этом повторять.

Мы только что перешли в 6-й класс и были переведены в другой барак. Кому-то пришла в голову мысль заняться ради шутки спиритизмом. Для полного успеха нужен был обязательно «медиум». Такой у нас нашелся: прекрасный медиум в лице кадета Чеботарева. Другим партнером был кадет Богацкой, третьим наш старший кадет 6-го класса Гавриков. У последних двух была способность гипнотизировать, о чем и будет мой рассказ. Четвертым был я.

В спиритических сеансах часто бывает шарлатанство или жульничество, по этим людям и их искренне добросовестному отношению к делу я верил, что в дальнейшем и подтвердилось.

Нашли маленький квадратный столик. Говорят, что для «верчения стола» он должен быть без гвоздей. Каков он был у нас, я точно не помню. Во всяком случае стол добросовестно выполнил то, что от него требовалось. От него же требовалось следующее: когда мы положим на него руки так, чтобы наши крайние пальцы касались пальцев соседа, — стол должен был стать «на дыбы» и ждать той нужной буквы из алфавита, который мы произносили вслух. Когда доходили до нужной «духу» буквы, столик со стуком опускался. Мы запоминали эту букву. Столик вновь поднимался в ожидании следующей буквы. Таким манером буква за буквой образовывали слова и фразу.

Вначале мы спросили: «Чей ты дух?» Он точно по буквам ответил: «Я одна из ваших матерей, Мария». Никто из нас не знал имени матери соседа. Вдруг наш «медиум» побледнел и как сноп упал на пол. С ним случился обморок.

Мы прекратили сеанс, подняли нашего партнера и успокоили. Оказалось, что у него осталась в России мать Мария. Когда он покидал Родину, мать его еще была жива. Теперь он поверил, что мать его умерла и явилась нам как дух. Спустя два месяца он получил письмо из России с известием, что несколько месяцев тому назад умерла его мать. Теперь спрашивается: как можно не поверить этому случаю?

Решили попробовать еще один сеанс. Вызвали «дух» и спрашиваем: «Дух, кто ты?» — «Я дух Льва Толстого», — отвечает. Мы посоветовались: о чем же его спросить, чтобы проверить — правду ли он говорит? Кто-то посоветовал спросить: каким словом начинается его роман «Война и Мир»? Дух называет французское слово. После сеанса мы достали роман «Война и Мир», и действительно он начинается французским словом. Не помню: что мы его еще спрашивали, но важно то, что мы разговаривали с духом.

После некоторого перерыва решили еще раз заняться спиритизмом. Как всегда сперва спрашиваем: «Дух, кто ты?» Вдруг он отвечает: «Черт». Мы не поверили и сказали: «Если ты черт, то прояви себя чем-нибудь, например, потуши лампу». Керосиновая лампа висела на стене. Конечно в черта мы не поверили и он потушить лампу не смог. Только вдруг наш столик стал на одну ногу и начал крутиться на месте. Мы не поспевали за ним и, конечно, пальцы наши разъединились и столик упал. Позже я подумал, что это был какой-то злой дух, решивший с нами пошутить. Интересно то, что без «медиума» сеансы у нас не выходили.

Позже мы решили пробовать загипнотизировать этого «медиума», чтобы узнать: кто из нас обладает силой гипноза.

Первым попробовал гипнотизировать кадет Богацкой. Он усыпил Чеботарева и задавал ему вопросы, какие, я теперь не помню. Затем Богацкой его разбудил. Вторым пробовал я. Как ни старался я его усыпить, таращил глаза во всю, ничего не получалось. Пришлось сознаться, что в гипнотизеры я не гожусь.

Затем принялся гипнотизировать Гавриков. Он делал пассы, смотря упорно в глаза Чеботареву и тот заснул. «Медиуму» гипнотизер задавал вопросы и тот отвечал, но это не так важно. Вот тут произошло событие, серьезно нас перепугавшее: Гавриков усыпить то усыпил, а разбудить не смог. Пробовал будить Богацкой и тоже не смог. Мы в панике: что ж нам делать?

Тут вспомнили о профессоре Малахове, который был знаток гипнотизма. Побежали к нему: «Так и так, господин профессор, помогите, пожалуйста, в беде». Он пришел и на наше счастье разбудил Чеботарева. Но тут же нас предупредил, чтобы мы впредь не пробовали своих «гипнотических» сил на

бедном «медиуме», жизнь которого мы можем легко погубить. «Медиум» и так после пробуждения дрожал, как осиновый лист.

С тех пор мы прекратили навсегда сеансы спиритизма.

На все описанное мною любой может сказать: «Свежо предание, да верится с трудом». Если б и мне кто рассказал нечто подобное то, быть может, и Я не поверил бы, но тут я был свидетелем и очевидцем. Читатель может подумать: «Врет как очевидец!» Да, я был очевидцем и не вру: все это было, а выдумывать истории я даже и не способен.

Во время Второй Всемирной Войны Гавриков погиб, служивши в авиационных войсках. Судьбу Богацкого и Чеботарева не знаю: живы они или нет. Я же проживаю в благословенной Австралии на пенсии.

Федор Кадушкин,
Крым. Кад. Кор. 1923 г.

ЛЮТИК ЕДКИЙ.

Есть такое растение с желтенькими цветочками. Я вам могу о нем рассказывать часами. Я знаю о нем буквально все. Дело в том, что...

Но сначала о другом. Самыми веселыми в младших классах были у нас, пожалуй, уроки естествоведения. Этот предмет тогда, равно как и анатомию, преподавал в нашем классе профессор Строев. Редкой доброты и кристальной чистоты человек, он удивительно снисходительно относился ко всем нашим шалостям и проказам. Многого же он и не замечал, настолько он бывал поглощен своим предметом. А мальчишкам, ведь, разреши только, — и они тебе на голову сядут. Так было и с нами.

К приходу профессора в класс у дверей иногда выстраивалось по пяти-шести человек вместо одного обычного дежурного по классу. Обязанность дежурного была — следить за порядком, за чистотой доски, количеством мела и при входе начальства в класс рапортовать. А рапорт, после команды «Встать — смирно!» заключался в рутинной формуле: «В таком-то классе, таком-то отделении по списку кадет — столько-то, столько-то в лазарете, налицо — столько-то». И это все. Но не у нас. Во-первых, все эти пять-шесть человек были вооружены до зубов. Метлами. После обычного рапорта дежурного,

все они по очереди выступали и рапортовали на разных языках — одним словом, вавилонское столпотворение! Один по-французски, другой по-английски, по-немецки и кто-то истошным голосом еще вопил! «Селам ду! Мирелай эффенди...» и т. д., т. е. по-турецки. Случись это при другом учителе — карцера и сбавки балла за поведение не миновать. Да это и не могло получиться никоим образом. Попробовали бы у «Таракана». «Таракан» — проф. полк. Христианович, физика и химия — тот бы уже повел рыжими усищами, если бы кто-нибудь осмелился чихнуть, а не то что... Но на добрейшем профессоре Строеве можно было ездить — он только мило улыбался всем своим сморщенным личиком, вежливо кланялся и повторял: «Оч-ч-чень, очень остроумно, господа!»

Профессор был ученым большого калибра и масштаба определенно международного. В этом я имел случай убедиться не потому, что я сам блестяще знаю буквально все о лютике едком, а потому, что меня когда-то заинтересовал один из брелков, висящий у него на цепочке от часов. Я обратил внимание на слово «Женева» и спросил профессора, откуда это у него. Я ожидал рассказа о путешествии заграницу, о женевском озере, но в ответ он очень скромно и коротко заметил, что это — память о его пребывании в должности председателя на одной из международных конвенций ученых в Женеве. И больше он к этому вопросу не возвращался.

Итак, как мы сказали, анатомия и естественные науки. Однако, несмотря на всю ученость профессора, мы несколько, я бы сказал, пренебрегали естественными науками. Учить естественную историю считалось «неестественной потребностью» и поэтому часть из нас себя этим не утруждала. Зато кадеты засыпали профессора целой кучей вопросов, и он любезно давал на них подробные ответы. Задавшие вопрос обычно ответов не слушали, но всегда находился кто-нибудь добрый, который был способен изобразить на своем лице живейший интерес. Он и ему подобные «лицедеи» даже выбирались поближе к профессору, к доске, из гущи класса и там не переставали бомбардировать его вопросами.

А что же делала в это время остальная голытьба, вольница? А именно это и давало возможность голытьбе заняться своим делом, то-есть не делать ни черта. Правда, на «камчатке» в это время азартно «резались в подкидного», издали еще и прикрикивая в сторону доски — потише, мол, а то мы здесь

друг друга не слышим... Ну-с, Шурка Яковлев, конечно, спал. Он спал везде и всегда. На этот раз Шурка забрался под парты и в крайне неудобном положении умудрился все же заснуть. Вообще с Шуркой по этой части было трудно сладить кому-либо. По утрам, напр., труба была не в силах его разбудить, и не раз случалось, что мы выносили его вчетвером из спальни в уборную — т. е. кровать со всем содержимым. Там и оставляли. Случалось, что я выбирался из середины класса на чью-то первую парту и начинал выставлять всему классу отметки. Производилось это обыкновенно таким образом: так как журнал лежал на столе преподавателя, я прежде всего вежливо осведомлялся у профессора, не могу ли я выставить отметки. Милый профессор в это время был занят у доски, давая объяснения «лицедеям». Он полуоборачивался, вежливо кивал головой — было совершенно ясно, что мой вопрос не доходил до его сознания. Я спокойно брал тогда журнал и выносил на общее голосование — сколько кому поставить: заслуживает ли Мишка Иловайский столько-то, а «Паря» Перфильев — столько-то? Стоит ли повысить отметку Лене Попову, или нет? Одним словом, отметки выставлялись, если и не всем (время не позволяло), то во всяком случае части класса. И, как ни странно, рассеянный профессор не замечал наших проказ.

Я же за все время выучил (но как выучил — досконально!) все, буквально все о «лютике едком». Если бы с год назад вы меня разбудили ночью и спросили — а ну-ка, скажите что такое лютик едкий — и я моментально бы продекламировал вам целую поэму о нем. С год назад. Я гордился тогда своими познаниями. Всю жизнь. Разочароваться пришлось только год тому назад, «на склоне дней моих суровых». Но как разочароваться — досконально! Как-то, гуляя с моими коллегами и желая перед ними щегольнуть, я небрежно указал на желтенький цветок и скромно заметил: «А вот и наш лютик, господа... Ишь, куда забрел. Его называют едким. Его особенность...» Тон мой был размеренный и спокойный. «Обратите внимание, господа, что...» Но моя лекция, так блестяще начатая, была грубо прервана одним из моих коллег, который тут же заявил, что, во-первых, это не лютик, и что этот цветок вовсе не «едкий», и что никуда он не забрел, так как его родина —

Калифорния. Тут он привел не только английское название этого растения, но ввернул еще, подлец, и проклятую латынь, которая меня сразила окончательно.

Ну что ж, очевидно я не на той странице учил. А жаль — я ведь так старался...

Н. Воробьев
Дон. Кад. Кор.

ДУЛЯ.

"... Шпаргалка, ах ты нахалка,
"Да как попала ты сюда?"...

Начало июня 1929 года. На втором этаже Горажденской казармы, в классе, при полном безмолвии, идет письменная работа по математике.

Через открытые два окна со двора тянет приятной свежестью воды с Дрины; из двух противоположных окон — на улицу — зеленью листвы деревьев, растущих в казарменном садике и простирающих свои ветви в окна не только второго этажа, но и третьего.

«Матурная» Комиссия состоявшая из: «изосланника» г. Жакуле, директора корпуса, инспектора классов и преподавателя математики «Красненького», в четыре пары глаз зорко следили за «взапревшими» матурантами. Уже вахмистр и вице-урядники поздавали свои работы и ушли, а эти несчастные мученики науки еще сидели.

Вдруг, в одном из окон выходивших во двор, на веревочке пархнула какая-то свернутая бумажка, — этот «порхающий» в воздухе предмет был сделан так, как делают дети для игры с котенком. Первым это заметил Красненький; молча, жестами он обратил внимание всей комиссии; крадучись «на цыпочках», точно их шаги могли бы быть слышны на третьем этаже, они подошли к окну и... комиссия, как резвый котенок, принялась ловить «приманку».

А между тем, в окно с улицы, чья-то «щедрая» жмень передала в класс шпаргалки. Пока комиссия «развлекалась по своему», взапревшие матуранты не теряли время и, одни за другим клали работу на стол и выходили из класса. Когда закрылась дверь за последним страдальцем, «пархающий» предмет жертвенно отдал себя в руки Матурной Комиссии.

Дрожащими руками Красненький развернул пойманную бумагу — на ней была артистически нарисованная тушью Дуля.

ОТВЕТ КОСТИ Ш. ПО ФИЗИКЕ.

С осени 1929 года преподавателем физики в Донском корпусе был капитан 1 ранга Киселев (сын автора учебника математики Киселева).

«Каперанг» имел обычай рассказать следующий урок, спросить 3-х кадет, а потом, обращаясь к классу: «Занимайтесь своим делом тихо» — погружался в Нирвану. Костя Ш. готовился к генеральному сражению по физике, расписал себе формулами обе руки от кончиков пальцев до локтей.

В тот день «тяжелых переживаний» от урока до вечерних занятий, физик по своему обычаю рассказал следующий урок, выслушал ответ трех. Но Костя в их число не попал. Чтоб не пропал героический труд росписи двух рук формулами, Костя сам предложил физику, что он может дать ответ по всему пройденному курсу.

Такая «отвага» привела физика в восторг и он предложил Косте готовиться у доски к ответу, а сам погрузился в Нирвану.

Без зазрения совести Костя приступил к переписке формул с руки на доску.

А между тем физик через чуть растопыренные пальцы наблюдал за отважным.

Когда Костя кончил подготовку «сражения» физик предложил ему отвечать. Без запинки, Костя объяснял формулы и что из чего выходит. К его чести, надо заметить, что ответ был толковый. По окончании ответа, когда Костя было уж направился к своему месту, физик подозвал его к себе. Костя подошел.

— «А, ну-ка Костя, покажите Ваши руки» — и к ужасу, сам поднял рукава рубахи до локтей. Костя побледнел. КОЛ ОБЕСПЕЧЕН. Напрасно, весь класс хором просил о помиловании, — физик был неумолим...

Каково же было всеобщее удивление, когда на вечерних занятиях воспитатель полковник Зиалковский, читая отметки за день всего класса по всем предметам, поздравил Костю с отличным ответом по физике. В журнале физик вывел красивую пятерку.

А. Берендс
Дон. Кад. Кор.

КУСОК ХЛЕБА

Все мы, бывшие кадеты, всегда вспоминаем с удовольствием и любовью стены родного корпуса, и бесконечно благодарны ему за то, что он сделал из нас честных русских людей.

Однако, в жизни не бывает ничего идеального и об одном таком случае — ложном обвинении, повлекшем собою бойкот всего класса, повествуется в этом рассказе.

Итак, это произошло со мною в 1923 году, когда я был кадетом третьего класса Русского Кадетского Корпуса в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев в городе Сараево в Боснии. Зима. Тусклый декабрьский день. Я возвращаюсь в свой класс — третий класс второе отделение, после дежурства по роте.

Иду уставший и невыспавшийся, так как дежурный по роте ложился спать в полночь, а вставал «по первому сигналу», то есть без четверти шесть утра. Вхожу в класс. Меня встречает какая-то странная тишина. Не понимая в чем дело иду и сажусь на свое место. Тогда встает старший кадет (Владиславлев) и говорит мне: Ты был дежурным по роте и у кадета Павла Петровича пропал кусок хлеба, который был в его мешке в голове кровати. Ты украл этот хлеб и потому, весь класс объявляет тебе бойкот на две недели. От удивления и неожиданности у меня начинают течь по щекам слезы, и я едва нахожу в себе сил, чтобы выдавить из себя слабым голосом: Даю честное кадетское слово, что я этот хлеб не украл...

Но, старший кадет возражает: В роте остался утром ты один, когда все ушли на чай и никто кроме тебя этот хлеб украсть не мог. И действительно, в Корпусе было правило, что после ухода роты на чай — без четверти семь утра, никто из кадет не мог появиться в роте без разрешения дежурного офицера. Правда, дежурного по роте сменял во время еды бывший дежурный по роте, а кроме того, во время переменок, кадет забывший что-нибудь в спальне мчался туда иногда и без разрешения дежурного офицера, но во всяком случае официально, дежурный по роте отвечал за все, что происходило во время его дежурства. Бойкот же заключался в том, что никто из класса не имел права со мною разговаривать в течение двух недель. О том, как я себя чувствовал это время, лучше и не говорить. А вообще у нас в Корпусе было правило, что

за кражу снимали погоны, и это объявлялось приказом по Корпусу. За повторную же кражу, исключали кадета из Корпуса и этот бывший кадет не мог поступить в другой кадетский корпус, а их было в то время в Югославии три.

И вообще мне в третьем классе все время не везло. Перед нашим корпусным праздником (шестого декабря по новому стилю) я заболел стрептококовой ангиной и чуть не умер, а за несколько дней до меня заболел и умер мой талантливейший одноклассник — Борис Ушаков. Помню как сейчас, я уже начал задыхаться и даже не мог ничего пить, и вдруг, вечером, я почувствовал как будто какая-то галушка, душившая меня до того, соскользнула и мне сразу же стало легче и я заснул. А на следующее утро пришел меня навестить и поздравить с корпусным праздником Директор корпуса — генерал Адамович, и сказал мне: Вася, а вчера вечером, после службы мы молились о твоем здоровьи.

Но этим не кончились мои злоключения в третьем классе: Во время экзамена по Закону Божию, при переходе в четвертый класс, я вытянул единственный билет, которого не знал — Литургию преждеосвященных даров, и получил «тройку», то есть переходной балл, только потому, что не полагалось проваливаться по этому предмету.

А когда мы перешли в четвертый класс, у нас все переменилось и мы сразу же как-то почувствовали себя взрослыми — мы были уже во второй роте. Кроме того, в конце года нас ожидал первый государственный экзамен — «Мала матура» и все наши мысли направились на учение.

Пятый класс был для нас самым радостным, так как Директор корпуса нам разрешил учиться на духовых инструментах и у нас основался духовой оркестр. В шестом классе мы, наконец, получили долгожданные длинные брюки. А до того времени были в первой роте штаны галифэ и обмотки, а во второй и в третьей ротах были штаны галифэ и гетры, из за которых очень страдало наше кадетское самолюбие. В седьмом классе мы получили кадетские пояса, то есть пояса с медными бляхами, которые носили кадеты в России. В восьмом классе мы наконец получили и фуражки, старого кадетского образца и вот уже и государственный выпускной экзамен — «Велика матура».

После выпускного экзамена все разъехались по разным городам на лето, а осенью уже встретились как молодые сту-

денты или «бруцоши» в Белграде или Загребе. Быстро прошел первый год в университете и вот, в один прекрасный летний день во время летних каникул, я получаю из заграницы письмо от моего бывшего друга. Первые строчки этого письма я помню, как будто я его получил вчера, а прошло с того дня больше сорока пяти лет...

Письмо начиналось так: Дорогой Васька! Помнишь, в третьем классе тебя обвинили, что ты украл хлеб у Петровича? Так вот, этот хлеб украл я...

Большей неожиданности для меня не могло быть. Мой друг был из хорошей семьи и я почти всегда, когда приезжал из Земуна в Белград заходил к ним и хорошо знал всю семью. Это письмо я, конечно, никогда и никому не показал. Оно у меня пропало во время бомбардировки Белграда 8 сентября 1944 года, когда рядом с нашим домом на Ньегошевой улице упали три бомбы по 500 килограммов. Но случай этот я вспоминаю как пример того, что часто в жизни и даже начиная с детского возраста бывают ложные обвинения, ложность которых доказать нельзя.

Апрель 1968. *В. П. Новицкий.*

ИЛЬЯ КРОНИДЫЧ.

Предположительно в каждом классе любого учебного заведения бывали, если не несколько, то хоть один из учащихся, которых можно было бы подвести под одно понятия — ЧУДАКИ.

Обыкновенно (в корпусах) это были славные малые, никому не делавшие зла, жившие своей собственной жизнью и бившие на оригинальность.

Так было и в моем выпуске. Было их несколько, но со временем все как-то отсеялись и под конец остался только один с которым у меня связано 8 непрерывных лет.

Вот об этом чудаке я и хочу рассказать.

И так извольте: Илья Кронидович М-ий.

С Ильюшей свела меня судьба еще до его поступления в корпус. Его отец (матери своей он не помнил) и мои родители в то время работали в медвежьем уголке Боснии, на руднике железа, в Любии.

Отец Ильюши, Кронид Данилыч, был ветеринарным врачем и благодаря директору рудника (карпатороссу) был принят

на службу по своей профессии и пользовал несколько десятков тягловых лошадей на руднике. Ввиду кризиса жилищных зданий жил он вместе с Ильей в двух маленьких барачных комнатках. В одной стояли 2 сбитых (собственноручным мастреством) топчана служивших кроватями, старый полуразвалившийся платяной шкаф, да самодельный стол и два табурета. В другой была прогоревшая плита с минимумом комфорок, стол на трех собственных ногах и четвертой ввиде подставленного длинного полена, несколько табуреток. В углу что-то на подобие умывальника, а на стене была прибита полка на которой красовалась самодельная посуда приготовленная из разных консервных банок. Во всем этом уютности было мало. Само хозяйство было не сложное, но десятилетний Илья уже с самого утра засучивал рукава и работал, не переставая, до прихода отца. Нанесет воды, подметет пол березовым веником и приступает к кулинарным обязанностям. И все, что не состряпает, все для него с отцом хорошо. Не беда если вместо хлеба блин выпечет, да такой что им можно с ног человека сшибить. Отец только улыбнется да скажет: «В Ейске (или в Маныче) и такого не было». После обеда вздремнет Кронид Данилыч, да опять в свои конюшни. Тут уж и игре время. На этом поле мы и подружились с Ильей. Игры то у нас были незатейливые. Больше все по окрестностям шлялись и всегда приходили с полными руками. То ли землянки по ведерку наберем, то ли грибов (а было их множество), а то еще далеко ходили к речушке — горному ручью. Вода чистая, дно каменистое. Приляжешь на бережку и высматриваешь где под камешком усы шевелятся, да которые подлиннее и сразу же рукой, цап, и вытягиваешь из под камня усатого рака. Да так наловчились, что по пол сотни приносили. Благо других охотников на раков на руднике не было.

Время шло. Списался мой отец с кем следовало и уехали мы с братом в Стрнище «догонять» наш Феодосийский Интернат и наверстывать пропущенное. А когда с братом вновь приехали на побывку то уже ни Кронида Данилыча, ни Ильи на руднике не оказалось.

К весне для меня пришел перевод из Стрнища в Сараево. Здесь на мою радость я вновь встретился с Ильюшей и главное, что были мы с ним в одном и том же классе — одном выпуске — в котором и провели, без малого, 8 лет вплоть до

окончания. Несколько лет мы даже сидели с ним на одной парте и всегда на камчатке, где по нашим суждениям было и привольней и веселей.

Младшие классы, как то до 5-го включительно, слабо запомнились. Зато ярко запомнились последние годы проведенные в корпусе и в этих воспоминаниях часто выплывает фигура КРОНИДЫЧА. Другого прозвища у него не было. Как пришили ему его еще в первом классе так он с ним и закончил корпус.

К шестому классу у всех нас уже начали проявляться собственные «мировоззрения», где-то под спудом спрятанные индивидуальные черты характера, навыки и все то, что различает друг от друга, однообразно наголо подстриженных, подростков перерастающих в юношей с уже более ясно выраженными чертами характера.

Надо признаться, что Ильюша нас перегнал в этом. Уже с пятого класса он старался избегать участия в общих шалостях, как бы придавая этим себе более серьезный вид. Большую часть свободного время он уделял чтению. Сам, без посторонних советов, делая выбор книг. Любимым его поэтом очень скоро сделался Некрасов, которого он ставил выше Пушкина и Лермонтова, а из писателей Гончаров, Чириков и Лев Николаевич Толстой. Последний пленил его не столь «Войной и Миром» или «Анной Карениной», а «Воскресением». Пожалуй это было самым любимым произведением в котором Катюша Маслова была для него непостижимым совершенством. Восхищался он и Сонечкой Мармеладовой, но пожалуй это была единственная личность, которую он почитал в произведениях Достоевского.

Когда, после летних каникул, он вернулся в шестой класс с собственной мандолиной, чтение и философские разглагольствования (которыми до того он очень увлекался), как-то отошли на второстепенный план и теперь он свое свободное время уделял, главным образом, музыке. При этом не руководился ни чьими советами, стараясь самолично постичь музыкальную премудрость. Был музыкантом-самоучкой.

Шестой класс оказался для большинства из нас серьезным переломом в жизни: Многое детское совершенно исчезло. Постепенно перед нами вставал целый ряд вопросов, что, как, да почему(?) на которые еще совсем недавно мы даже не старались понапрасну тратить время. Преждевременная взро-

слость Кронидыча продолжалась недолго и к концу шестого класса мы вполне догнали его.

О самом себе Илья Кронидыч был высокого мнения и, что являлось самым главным, был совершенно доволен собою. Даже и внешностью, а была она у него не казистой, начиная с низко-кряжистой фигуры до маленького приплюснутого носа-пуговицей и маленьких, неопределенного цвета глаз в «щелочку». Обладая большой долей фантазии он был уверен, что своей наружностью может покорять женские сердца.

Индивидуальные черты характера Ильюшки резко отличались от наших. Он не считался с тем, что его поведение, выходки и мировоззрение, часто, в своем желании быть оригинальным вредили ему и переходили в уродливость. Даже его почерк был своего рода единственным. За всю мою жизнь мне не пришлось видеть чего либо схожего с таковым за исключением ассирийской или египетской клинописи. Такие письмена не существовали ни в одной из современных азбук. Ближе всего они подходили к готице с той разницей, что на середине каждой вертикальной палочки он умудрялся «завязать узелочек» (утолщение). Своим почерком он начал заниматься с младших классов убедительно и настойчиво тратя на это не мало свободного времени. Даже неудовлетворительные отметки, в первом классе (по чистописанию) не смущали его. Он упорствовал в поставленной им цели до того времени пока окончательно не создал, что-то своеобразное и уродливое.

Уродство его проявлялось и в письменных работах. Особенно в сочинениях по литературе где он с каким-то особым остервенением старался защищать пороки любимых героев, Сонечки Мармеладовой, Катюши Масловой и Димитрия Карамазова.

Вследствие этого на его сочинениях всегда стояли приписки нашего преподавателя словесности и литературы Михаила Владимировича Тычинина: «Довольно граммотно, но от лукавого» и рядом не полный бал за сочинение.

Ахилесовой пятой Кронидыча была музыка. Он безусловно любил ее, но понимал по своему, и мнил себя одаренным музыкантом, а в потаенных тайниках души мечтал о композиторстве. Свое музыкальное образование проводил сам, без всякой посторонней помощи товарищей или педагогов. Он рано начал создавать сбоственные композиции, которые сам вытренькивал на своей мандолине. А то, что они не вызывали ни

восторгов ни интереса у товарищей, ничуть не смущало его. Очевидно он считал, что то, что понятно Юпитеру...

Я не уверен, что он страдал гордостью, но за советом и помощью, к кому бы то ни было, обращался редко. Может быть просто надеялся на свои силы и талант, в котором был уверен. У него был жиденький дребезжащий тенорок и приличный музыкальный слух. Но, несмотря на это, от поступления в церковный хор он отказался, хотя пребывание в нем давало певчим некоторые преимущества, которых мы безголосые были лишены. Также упорно не желал поступать ни в струнный, ни в духовой оркестры.

Все же думаю, что такое его отношение к хору и оркестру не происходило из непонятной гордости (гордиться то ему было нечем), а просто он не терпел никаких обязательств и считал себя музыкантом индивидуалистом. Из классических композиторов отдавал предпочтение Григу и Листу, похваливал Дворжака и Сметану, да может быть еще и Чайковского, а остальные отечественные композиторы были почему-то у него не в милости. Я думаю, что такой подбор композиторов основывается на материалах, которые случайно попадали ему в руки и которые он усвоил без посторонней помощи. Ясно, что по одной случайной вещи нельзя судить о композиторе как и то что также не допустимо делать какие-либо выводы на основании частичного знакомства с его биографией. Но так как мы сами были большими невежами в отношении музыки то Илье Кронидычу было довольно легко убеждать нас в своей правоте и безошибочности выбора своего музыкального вкуса.

Свое музыкальное творчество Ильюша любил осуществлять на вечерних занятиях.

На быстроту ознакомившись с завтрашними уроками и заданиями, он вытягивал из парты припрятанные нотные листы заполняя их нотами. По окончании вечерних занятий он спешно направлялся в спальню, вытаскивал из мешка свою мандолину, долго настраивал и убедившись, что все в порядке приступал к воспроизведению того, что было им в этот вечер написано.

Любимым местом для исполнения своих композиций был коридорный подоконник, на котором Кронидыч проводил все оставшееся время до укладки что-то потренькивая и напевая. И это в полном одиночестве, ибо посторонних слушателей у него почти что не было.

Часто в чудные теплые весенние вечера, в садике корпуса, выходящем фронтом на улицу к прилегающему к ней парку Царя Душана, расположившись на боковой каменной ограде собирались кадеты первой роты и пели любимые песни.

Пели хорошо, с чувством:

«Ревела буря, дождь шумел...»

низким приятным баритоном выводил запевало...

«и беспрерывно гром гремел...» подхватывал хор в который вливались мелодичные звуки корнета.

Внизу, у подножья горки на которой был расположен садик, около низкого заборчика отделявшего нас от улицы, как и всегда, уже собиралась толпа случайных, гуляющих местных жителей награждая каждую пропетую песню долгим и громким рукоплесканием.

В это же время на своем любимом угловом (последнем) подоконнике коридора, на втором этаже, точно над головами хора, Кронидыч, низко склонив на бок голову, аккомпанирует себе на мандолине, тянет своим дребезжащим тенорком одну из своих любимых:

«Без женщины мужчина
как без паров машина...»

И наплевать Илье, с этого самого этажа, с этого подоконника и на «шум дождя» и на «рев ветра», на самую «бушующую бурю» как и на хор, запевалу, корнет так и на слушателей — любителей русского пения, внимательно слушавших то трагично-печальные и тоскливые, то безудержу лихие и веселые мелодии далекого незнакомого севера.

«На тебя заглядеться не диво,
полюбить тебя всякий непрочь...»

и без всякой паузы, аккомпанируя на мандолине надрывается дребезжащим тенорком:

«В полдневный жар, в долине Дагестана...»

Заканчивает Кронидыч свое попурри самой любимой:

«Все в долине мирно спит,
по вершинам скачут серны...»

Амплуа Ильюшки закончено. Он доволен собою, проведенным вечером, полной музыкальной разрядкой. Теперь он бережно завязывает в мешок свою мандолину и не спеша идет совершать свой вечерний туалет. Он любит совершать его когда умывалка еще почти пустая, когда еще не сошлись курильщики курящие в обноску, когда никто не мешает ему

долго и старательно чистить зубы и умываться в ледяной воде до пояса, разбрасывая на все стороны от себя брызги. После умывания идут вольные гимнастические упражнения по окончании коих он направляется в спальню.

Кронидыч вполне доволен прошедшим днем. Многого ему и ненужно. Он доволен малым. И если это малое осуществилось то и все в порядке: Теплый весенний вечер, любимый подоконник, необходимое одиночество, перлы любимых напевов и композиций. Безразлично, что все это смешано в винигрет: «Без паров машина...», «Алая лента» в волосах «черных как ночь», проезжавший корнет, дымящаяся рана в долине Дагестана, хладеющая струя крови и серны скачущие по вершинам гор. Сюда бы нужно еще только добавить слова из его любимого стихотворения, которое он часто декламирует на свой собственный неповторимый манер под аккомпанимент той же мандолины:

« . . . пятерней чешу волосоньки
и посева дожидаюся с непосеянной полосоньки...»

Несмотря на свою неказистую наружность, Кронидыч мнил себя юношей привлекательным, а чтобы это усугубить он очень следил за своей внешностью на что расходовал большую часть своих карманных денег, которые довольно щедро присылал ему отец. Помимо одеколона Ильюша хранил в своем сундучке маленький пузыречек наполненный какой-то фиолетовой гадостью которую, почему-то называл духами.

Я был уверен, что приобрел он эти «духи» от какого-либо торговца-коробейника распродававшего свои товары деревенским модницам. Кроме этих духов в сундучке у него хранилась большая круглая коробка с пудрой. Этой пудрой он замаскировывал кровоподтеки на местах выдавленных угрей, удаляемых им при помощи маленького круглого зеркальца в жестяной оправе. На тыловой стороне зеркальца была воспроизведена какая-то красавица с пышным бюстом и тоже с игривой алой лентой в волосах. Только волосы у нее были огненно рыжие. С этим зеркальцем Илья никогда не расставался и я смело могу утверждать, что из тридцати с лишним кадет нашего класса он был единственным обладателем такой драгоценности.

При всей своей слежке за наружностью он поздно начал бриться. Просто непонятно, что он даже при помощи своего магического зеркальца не замечал, что десяток редких волос-

ков, торчащих на подбородке, особенно уродуют его. Эти волоски мы в шутку называли «иудиной» или «татарской» бороденкой. Второе название более отвечало его внешности и надо предполагать, что какая-либо из его бабок была волжской татаркой. Родом то он был с Волги.

Так как он особенно болезненно воспринимал наши шутки и замечания по поводу его внешности, я лично старался избегать их. Тем более, что с Кронидычем у меня было связано знакомство домами, а в корпусе несколько лет я просидел с ним за одной и той же партой, на Камчатке. Да кроме того никому он зла не делал, охотно помогал другим, чем мог и если кто либо в такой помощи нуждался. Другими словами был парнем славным и хорошим товарищем, хотя, может быть, и забавным. Особой добротой не отличался, но не был и эгоистом. Если принимал участие в разговоре, то иногда даже было занятно его послушать ибо он был не прочь чем либо похвастаться, а где ему казалось нужно и приврать. А это всегда вносит в разговор своеобразное оживление, а иногда и смех.

Сравнивая его с собою могу сказать, что мы были решительно во всем разными:

Я чувтсвовал себя в Корпусе как рыба в воде ибо никакой другой кроме военной карьеры не признавал. Штатское было не по моей душе. Ильюшка, хоть и плавал со мною в тех же водах, мечтал о студенческой жизни. Военная дисциплина тяготила его и терпел он ее как необходимое зло, а о военной карьере и не думал. В своих понятиях был он глубоко штатским человеком. Да и о внешнем виде говорить не приходится. Форма определенно была не по нему, хотя относился он к ней с должным уважением. Но и только.

Хорошим строевиком он никогда не был, хотя был не плохим гимнастом. Но не чувствуя любви ни к чему военному он, както стороной, проходил мимо выправки, подтянутости, не говоря уже о лоске, фасоне и шике. По природе он не был неряшливым, но допускаемое им невнимание к форме создавало впечатление неряшливости и неподтянутости. Все на нем не сидело так как бы следовало. В то время как мы поясами перетягивались в «рюмочку», Ильюшке в любой момент можно было засунуть за пояс целый кулак. Фуражка его легко выделялась из всех фуражек в нашем классе. Она не была блином как у будущего нашего фельдфебеля (который никогда не вынимал каркаса), она не была и измятой или залом-

ленной. Была она особенная, почему-то с меньшей тульей чем у других и напоминала картуз, которые в старое время в России носили мастеровые или железнодорожники. Все его рубашки по длине не превышали ладони, ниже пояса, в то время как у большинства из нас было две ладони, а у задававших тон и того больше. На спине у него рубаха всегда топорщилась и вздымалась мешком. Черные брюки на выпуск он даже не пытался растягивать в клеш и висели они у него трубочками в то время как мы ревностно, по вечерам, перед укладкой смачивали водой и в раструбы штанин засовывали специально сделанные доски ввиде усеченных трехугольников (трапеций).

Обмундирование подгонялось у нас в цейхгаузе по собственному выбору и добрейший каптер Борис Михайлович Найденов никогда нам в этом не отказывал. Но Илью это просто не интересовало, брал то, что ему первое попадалось под руку. Помимо того он никогда ни к кому не обращался в этих вопросах за советом, исключительно полагаясь на собственный вкус.

Илья всегда мечтал быть штатским. Кроме музыки его интересовали только две профессии. Иногда он делился со мною своими мечтами на будущее и уверял, что ему тяжело будет сделать окончательный выбор между «природой» и «правдой». Под этим он подразумевал что будет или агрономом или юристом.

Насколько мне известно окончательное его решение дало предпочтение природе. Но успел ли он осчастливить ее университетским дипломом остается тайной: Кронидыч, сразу же, по окончании корпуса, как-то загадочно исчез с нашего горизонта и вся его последующая жизнь является загадкой и тайной. Последние сведения обрываются в начале тридцатых годов, когда кто-то видел его посещающим лекции в университете в Загребе.

После этого занавес на его жизнь оказался окончательно спущенным.

Алексей Мальчевскй.

НА РЫБАЛКЕ.

Летом в Белой Церкви кадеты иногда отправлялись на рыбалку в сопровождении ротного командира второй роты «Извощика». Собиралась компания, человек десять-пятнадцать. С вечера от эконома получали сухую провизию на следующий день, и около полуночи выступали в поход, вооруженные сковородами, выпрошенными у тетки Харитины, и самодельными удочками. До притоков Дуная, Кароша и Яруге, изобиловавших разной рыбой, было километров двенадцать, а до рассвета нужно было успеть наловить живцов, т. к. перед восходом солнца начинался клев щук. Одним летом щук там была уйма, благодаря предшествующему большому разливу рек, и щуку было легче поймать, чем хорошего живца. Если пойманная щука проглотила живца, то мы вспарывали ей брюхо и живца старались вынуть, чтобы снова употребить для наживы.

Часам к девяти клев щук совершенно прекращался. Проходя же вдоль пологого берега реки, можно было их видеть в прозрачной чистой воде, как неподвижно стоят у какой нибудь коряги.

Попробовал я подвести живца на удочке под самый нос щуки, но она медленно отплыла немножко назад и остановилась; к живцу не проявила никакого интереса, хотя пару часов перед тем бросилась бы на него с жадностью. Удивляясь этому и досадуя, щучью психологию разгадывать не стал, а решил ее перехитрить. Снял я с тройного крючка (кошки) живца и стал осторожно подводить крючек ей под жабры. Подсек, — и щука вылетела на берег.

Воодушевившись своей выдумкой, я побрел дальше по берегу, высматривая спящих щук, и вытащил за короткое время штук десять.

Вернувшись к остальным ребятам, сидящим у костров и жарящим свою добычу, я показал улов. Все были поражены. «Как ты их наловил, спрашивают, у нас совсем не хочет клевать». — «А нужно, отвечаю, натереть живца особой травкой; тогда любая щука его схватит!»

В это время раздался крик: «Ушел, ушел проклятый со сковородки!» Это кричал Гунька. Оказывается, ему удалось поймать прекрасного линя. Многие ему завидовали, а он предвкушал, как съест своего линя. Отрезал голову, очистил, вы-

потрошил, обвалял в муке и положил на горячую сковородку над костром у самой воды. Линь — рыба очень живучая. Когда он очутился на горячей сковороде, в последних судорогах ударил хвостом, поскочил и, свалившись с крутого берега, потонул.

После этого случая бедняге долго не давали прохода: «Что, Гунька, жареный линь у тебя со сковородки сбежал?»

Е. Кормилев.

СПАСОВСКИЙ И ДЕРИБАСОВСКИЙ.

(Из цикла «Доблестная школа»)

"Всегда держись того завета, завета старого кадета,
Держись подальше от зверей (воспитателей)
И жить ты будешь веселей".

Этими вымышленными фамилиями пользовались кадеты младшей 5-ой роты, первого и второго класса, когда в Кадетский корпус поступал на должность офицера-воспитателя новый офицер, не знавший кадетской жизни и внутреннего уклада. Помню к нам в роту был назначен офицер такого типа — капитан Маевский — тоняга, фронтовик, окончивший Михайловское Артиллерийское Училище, награжденный многими боевыми орденами. Такими воспитателями кадеты обыкновенно гордились и относились к ним с большим уважением. Но это правило не распространялось на 5-ую роту, все заслуги офицера не производили на нас «шпану» никакого впечатления. Капитан Маевский был выдержанным, тактичным. Поляк по происхождению, католик по вероисповеданию и русский по убеждению. Присягнув России и ее императору он честно служил России всю великую войну, а во время смуты прошел весь страдный путь в рядах Белой армии. На предложение польского правительства занять хорошее место офицера в освобожденной Польше, ответил отказом не желая нарушать данную раз присягу и получал ничтожные гроши за свою службу в Кадетском корпусе.

Не мало у нас было и кадет поляков, но все они после окончания корпуса уехали в Польшу. Учитывая неопытность нового офицера-воспитателя, кадеты-малыши и шалуны обманывали его где только могли. Революция и общее лихолетие внесло и в корпус многие отступления от правил — была по-

колеблена внутренняя дисциплина, особенно этим отличались своенравные дерзкие мальчишки для которых все было «трынь-трава» и «море по колено». Так как у большинства из нас родителей не было, они или погибли во время гражданской войны или находились в других странах нашего рассеяния. За проступки за которые в нормальное время виновного исключали из корпуса, теперь такого «фрукта» жалели, старались исправить, дать возможность закончить корпус. Многие из кадет этого не понимали и расценивали это как «слабость» директора и воспитателей. Одним из таких незлобных, но очень распущенных кадет был П-ский, большую часть жизни в младшей роте проведший в карцере. На дежурстве Маевского, П-ский выкинул такое «антраша», что даже «новичек» Маевский впервые с момента своего поступления на должность воспитателя, решил записать его в ротный журнал проступков. Не зная еще фамилии кадет он спросил П-ского фамилюи. Тот поморгав быстро глазами — его типичная манера, солгал назвав себя Спасовским. Запись в ротном журнале гласила приблизительно так: «Кадет Спасовский» вел себя на моем дежурстве непристойно, прошу примерно наказать...» Таким образом кап. Маевский сразу попался на удочку, записав в журнал несуществующего кадета. Финал был таков. Когда в бараке появился ротный командир — Полковник Зиалковский, старый опытный и сам бывший кадет. Капитан подошел с рапортом, докладывая, что в роте особых происшествий не произошло, кроме проступка сделанного кадетом — Спасовским.

Уже при рапорте, не смотря на команду «смирно» рота захихикала при упоминании фамилии, Спасовский, лукаво улыбался и ротный.

Позднее, в дежурной комнате полк. Зиалковский «просветил» капитана и объяснил ходкие фамилии — Спасовского и Дерибасовского, порекомендовав кадет с подобными фамилиями запоминать и доложить ему — ротному командиру.

Не так давно, закончив этот рассказ, я узнал о том, что в Калифорнии скончался, уважаемый нами и верный своей присяге, офицер-воспитатель Крымского Кадетского Корпуса. Мир праху Твоему, доблестный русский офицер Владислав Маевский, да будет Тебе пухом Калифорнийская земля.

Один из многих воспитанников
В. Наливайко.

ГРОБОВЩИКИ.

1923 год. Несколько десятков малышей, включая и нашу небольшую группу бывших новосадских гимназистов, держат вступительный экзамен в Крымский Кадетский Корпус. За пол века все стерлось в памяти. Ясно помню только экзамен по русскому языку, вернее диктовку. Плотный, слегка сутулый, весь в черном человек, гнусавым, но очень четким голосом диктовал нам фразы, вроде классической: «хараша халодная вада, кагда хочиться пить». Хоть и чувствовался какой-то подвох, но вера в непререкаемость взрослых, особенно преподавателей, победила. В результате 20 ошибок на полутора страничках и вместо ожидаемого третьего, оказался я во втором классе. Горьким утешением было то, что участь мою разделили многие, а рекорд поставил кто-то с 44-мя ошибками.

Первое чувство огорчения прошло довольно скоро, а через два-три года я даже начал быть благодарен обладателю гнусавого голоса, ибо по его вине оказался в том классе и отделении, которые скоро стали моей второй семьей и которые наделили на всю жизнь, до сегодня, настоящими, бескорыстными и бескомпромисными друзьями. Принадлежностью к своему выпуску я счастлив и горд до ныне.

Потекла кадетская жизнь в том огромном муравейнике, каким был тогда наш Корпус, со своими пятью ротами и многосотенным составом.

Каждое утро во время короткого предурочного перерыва, гуляя по аллее летом или глядя в окно зимой, видели мы как поляну отделявшую казармы от первого ряда городских домов, пересекали две одинаковых фигуры. И летом, и зимою облачены были они в те же самые и совершенно одинаковые черные шляпы, черные же куртки и брюки. Зимою сверху было надето черное пальто, застегнутое до горла. Немудрено что кадеты прозвали их «гробовщиками».

Нам, малышам, вплоть до четвертого класса пришлось иметь дело с тем самым членом этой пары, который так коварно экзаменовал при вступлении. Оказался он, как и его товарищ, старым преподавателем Одесского Корпуса, а звали его Феодором Иоасафовичем Миляшкевичем. Но об этом я узнал много позже, т. к. в то время был он для всех нас «господином преподавателем» официально и «гробовщиком-сосуль-

кой» в общежитии. Последнее прозвище получил он за свое произношение известной гоголевской фразы: «панычи, панычи, купите сюсюльку».

Мрачный, неприветливый, гнусавый, он был рад, казалось, влепить каждому из нас двойку, что при двенадцатибальной системе было отметкой весьма плачевной. Спасение было в зубрежке. По установленному им правилу, безошибочный ответ всех коренных слов на букву ять, стоил полных двенадцать баллов и тем самым анулировал влияние одной двойки, с одной тройкой в придачу. Как сейчас помню Ивана Т., весьма солидного по возрасту и внушавшему всем нам глубокое почтение своей физической силой, к которой он, к чести своей, прибегал очень редко, но далеко не опередившего нас в умственном развитии. День за днем долбил он вслух: «бег, беда, белый, бес», кончая «Онегой и печенегом», которые, будучи именами собственными в алфавитный порядок не включались. Двенадцать баллов он получил, но это не помешало ему на следующей диктовке снова схватить двойку. Наречия на букву ять, все эти возле, ныне, подле, после, тоже в совокупности стоили двенадцать.

Не знаю был ли «Сосулька» хорошим преподавателем, но не любили мы его крепко. Особенно обижала ехидная улыбочка, с которой он говорил очередной жертве: «катаемся на троечке, молодой человек», или «подопрем сии шаткие знания колом». И все же писать грамотно он нас научил, а это и было его основной задачей.

В четвертом классе мы больше его не видели, а появился у нас «гробовщик номер два», Пантелеймон Сергеевич Молчанов. Не скажу чтобы он был блестящим преподавателем или знатоком и настоящим ценителем русской литературы. Может быть это было и так, но природная застенчивость, даже забитость этого тихого человека, не позволяли ему выявить свои качества. Все же помню, что не раз замечали мы как увлажнялись его глаза, когда кто-нибудь хорошо читал любимые им стихи Никитина, или когда он сам цитировал отрывки Гоголя или Тургенева.

Ехидность «Сосульки» сменило действительное огорчение, когда кадету приходилось ставить плохой балл. Новый «Гробовщик» казалось искренне не понимал как можно не любить и не знать свою литературу.

Обычно такие слабые люди становятся посмешищем учеников и уроки их превращаются в балаган. С Молчановым этого не случилось. Думаю что молодые души как-то иначе восприняли поведение этого человека и вместо любви, почувствовали какую-то смесь сострадания с уважением.

Во всяком случае я не помню ни одного скандала на его уроках, ни одного случая издевательства над ним. Уже когда наш Корпус перестал существовать и нас влили в другой Корпус, оставив в том же городе и помещении, а «Гробовщики» разделили нашу участь, произошел один такой случай. В паралельном отделении восьмого класса, составленном из кадет, Молчанова не знавших, с ним сыграли злую шутку. Как у многих нервных и застенчивых людей, у него была привычка потирать лицо руками и даже покусывать свою ладонь, особенно во время ответа кадетом заданного урока. Наши одноклассники намазали чернилами преподавательский стол и бедняга «Гробовщик» провел у них урок и ушел в преподавательскую с лицом измазанным чернилами. Твердо помню, что ни сочувствия, ни даже улыбки у нас эта шутка не вызвала.

Учебник русской литературы, принятый в Корпусах, был Саводника. Не знаю какими достоинствами или недостатками он обладал. Помню только, что Молчанов уверенно говорил, что Великий Князь Константин Константинович этот учебник не одобрял. Мнение Великого Князя Молчанов знать мог, т. к. был преподавателем в Одесском Корпусе, которому его Шеф уделял много внимания. Чтобы пополнить пробел, вызванный недоброкачественностью Саводника и чтобы не оставить кадет без учебного пособия, «Гробовщики» взяли на себя огромный труд. На каждом уроке Молчанов раздавал 10-12 листков папиросной бумаги, исписанной под копирку рукою, в которых заключался такст проходимой части программы. Если вспомнить, что он преподавал в трех-четырех классах, в которых были еще и параллельные отделения и что уроки русского языка были по два-три раза в неделю, понятно станет какой ежедневный, кропотливый и неблагодарный труд выполнял этот человек с помощью своего друга, не ожидая и не получая никакой выгоды или даже простой благодарности.

Листки принимались как должное и даже не очень охотно. Главный успех им выпадал в конце года, когда из них клеилась мантия для верховного жреца при ритуале похорон на-

уки. Помню как сам Молчанов не раз наблюдал это шествие и помню как мне было неловко это видеть. Но на его сером лице, вместо смущения или недовольства, блуждала характерная застенчивая улыбка.

Было известно, что «Гробовщики» ведут жизнь крайне замкнуто, ни у кого не бывая, не посещая даже единственного белоцерковского развлечения — кинематографа. Жили они наискосок от Корпуса в небольшом домике. Не помню по какому поводу, но один раз я у них был. Это была большая комната, где по углам стояли две солдатские койки, а под окнами большой стол кухонного типа, заваленный все теми же листочками. Было еще несколько стульев, плита, а на ней примус. В воздухе висел крепкий запах керосина, которым оба «Гробовщика» пропахивались основательно.

Чем жили эти два человека, какова их история, приведшая к такому унылому существованию? Точного ответа у меня нет. Слышал, что их дружба зародилась еще в духовной семинарии, окончив которую они не приняли сана, а избрали педагогическое поприще. Не знаю где и какое специальное учебное заведение они окончили, но учились вместе и не разлучались в дальнейшем. Вершиной их преподавательской стези был Одесский Корпус, насколько знаю они эвакуировались вместе с одесситами, но в Сараево, куда прибыл этот Корпус, не ужились и оказались в Белой Церкви.

На какой-то старой фотографии видел я их в погонах с двумя просветами, и помню разговоры о том, что они были полковниками. С этим чином упомянуты они оба и в нашей «Памятке». Почти уверен, что это ошибка. Молчанов часто называл себя старым учителем и вспоминал свое преподавание в Одесском Корпусе, преподавателям же военных чинов, особенно полковника, не давали. Вероятно были они обладателями соответствующего штатского чина, статские советники, если не ошибаюсь.

Не знаю чем заполняли свой досуг эти два человека. Бывая в городе по воскресеньям я ни разу не встретил их на улице за все семь лет пребывания в Корпусе. Очень редко гуляли они вместе или порознь по аллее, ведшей в Рудольф Парк. Еще реже бывали в нашей корпусной церкви. Но в день нашего корпусного праздника, 3 июня, неизменно выделялось черное пятно их фигур на фоне разноцветной толпы, стекавшейся полюбоваться действительно красивым парадом.

Повидимому вся жизнь этих двух анахоретов проходила между своей угрюмой комнатой и корпусными классами, а все нужное им общество составляла персона старого товарища. Такая дружба между мужчинами обычно вызывает подозрения о ненормальных отношениях, а тема эта особенно заманчива для молодежи. Как ни странно, но таких подозрений в отношении этих двух человек я никогда не слыхал. Вероятно и возраст, и вид, и поведение «Гробовщиков» не допускали мысли о наличии у них чувств и страстей.

Такими и оставались они до того дня, когда пришло нам время покинуть стены Корпуса, с «матурой» в кармане. После этого я больше их в Югославии не встречал, но слышал что Миляшкевич довольно скоро ушел на покой, а Молчанов продолжал преподавать в Корпусе, Институте, а позднее в белградской гимназии.

Наблюдая эту неразрывную дружбу двух пожилых мужчин, многие из нас задумывались, что же будет с оставшимся, когда один из них умрет. Не знаю когда именно это произошло, в Белой Церкви, в Белграде или может быть даже в Германии, после бегства из Югославии, но умер Миляшкевич, покинув своего мягкого и скромного друга.

Последний раз видел я осиротевшего Молчанова в лагере Шлейсхейм, под Мюнхеном. Это был худой, не опрятный, запуганный глубокий старик, все в тех же черных пальто, куртке и шляпе. Несколько раз удалось мне затащить его в нашу барачную комнату, угостить ужином, напоить чаем и дать возможность высказать то, что носил он в своей усталой душе.

Все что он говорил было о прошлом и всегда в этих воспоминаниях на первом месте стоял его незабвенный Феодор Иоасафович. Зная что у первого поколения русской эмиграции все интересы сводились к прошлому в дореволюционной России, я ждал рассказов об Одессе, об их молодости. Но нет.

Вся его мысль была направлена на Белую Церковь, на наш Корпус, где их, по его словам ценили и любили. И хоть я знал что в последнем он ошибался, противоречить не хотелось.

Жена, тоже его бывшая ученица по Институту, старалась чем могла приветить бедного старика и за глаза называла его Парфением, по прозвищу данному институтками за его выспренное чтение «Ивиковых Журавлей» Жуковского: «Парфений, слышишь крик вдали, то Ивиковы журавли!».

ТРИДЦАТЬ ЛЕТ ТОМУ НАЗАД

К осени 1944 года положение русской эмиграции в оккупированной немцами Югославии становилось все более опасным. В конце августа капитулировала Румыния, и таким образом Кадетский Корпус в Белой Церкви оказался на самой границе со страной, которая не сегодня-завтра будет занята победоносными советскими войсками. А после этого появление этих войск в Белой Церкви было совершенно неизбежно и не заставило бы себя долго ждать.

Настроение русских в Белой Церкви — а особенно персонала Корпуса и кадет — становилось все более тревожным. Внешне все как будто бы обстояло благополучно, Корпус готовился к следующему учебному году, хозяйственная часть делала необходимые закупки продуктов, преподаватели говорили о распределении классов и расписания. Уже съехалось много кадет, словом — все как-будто бы шло нормально, обычным порядком. Но под этим внешним спокойствием чувствовалась большая нервная напряженность; вполголоса говорили между собой об эвакуации Корпуса (официально и полным голосом об этом говорить было нельзя, как нельзя было говорить и о германских поражениях на фронтах). Но ничего определенного в этом отношении не было известно, питались слухами, как водится, иногда самыми невероятными.

Потом началось движение за океан и я не помню успел ли даже с ним попрощаться в суматохе консулов, комиссий, сборов. Надеюсь, что кончил свою жизнь этот старый русский учитель в каком-нибудь старческом доме, где было к нему человеческое отношение. Ни роскоши, ни даже простых удобств ему было не нужно. Сейчас, вспоминая наших «Гробовщиков», а вместе с ними и всех скромных офицеров и педагогов, которые приложили труд и знания, в меру своих дарований, чтобы дать нам воспитание, образование и направление в жизни, ощущаю я чувство глубокой признательности и уважения. Их труд позволил мне прожить жизнь не краснея и гордясь успехами многих более талантливых товарищей - кадет.

В. Б.

Наконец, в первых числах сентября Директором Корпуса было созвано общее собрание служащих Корпуса. На этом собрании Директор объявил, что эвакуация Корпуса в Германию назначена на вторник 12сентября, что Корпус будет вывезен организованно — как учебное заведение и что в Германии Корпусу будет предоставлено помещение и даны средства для продолжения занятий. Соответственно этому вместе с Корпусом сможет выехать некоторое количество воспитателей и преподавателей, — конечно, только добровольно и с разрешения Директра Корпуса.

В конце собрания преподаватель немецкого языка В. Н. Кожин, в совершенстве владевший немецким языком и всегда бывший неизменным посредником в сношениях с германскими властями, неожиданно заявил, что он никуда выезжать не намерен и просит на него, как на переводчика, больше не расчитывать. Видно было, что заявление это явилось полной неожиданностью для Директора Корпуса. Преподаватель Кожин действительно остался в Белой Церкви — и тотчас же по приходе советских войск исчез. Дальнейшая судьба его, кажется, так и осталась неизвестной.

По окончании собрания я подошел к Директору Корпуса и спросил его о моих шансах на выезд вместе с Корпусом. Ответ Директора был обнадеживающим: «думаю, что вы можете собираться — русский язык мы преподавать будем...»

На следующий день утром до слуха обитателей Белой Церкви донеслись глухие звуки отдаленной артиллерийской стрельбы. Настроение русских стало еще более нервным, возникло опасение, что Корпус вообще не успеет выехать. Впоследствии оказалось, что это суда немецкой Дунайской флотилии пробивались назад в Германию, через заслоны пытавшихся задержать их румынских войск. Стрельба вскоре прекратилась, и русское население города несколько успокоилось. Впрочем, говорить в данном случае о ВСЕМ русском населении города будет, пожалуй, неправильно — значительная часть этого населения ожидала прихода советских войск спокойно, уверовав в то, что «за двадцать пять лет многое изменилось и большевики уже не те, что были когда-то»... Среди русских шли горячие дискуссии на тему — «уезжать или не уезжать».

А в воскресенье 10 сентября «грянул гром». — Утром я, как обычно, не торопясь собирался в церковь, когда ко мне

явился кадет и от имени Директора Корпуса сообщил, что эвакуация Корпуса с 12-го переносится на сегодня, 10 сентября, что вагоны уже поданы и погрузка начинается, и что эшалон отойдет в два часа! Впоследствии я убедился, что это — обыкновенный прием немецких властей при эвакуации населения — сообщить в последний момент, не дать людям опомниться, посоветоваться и т. п. Таким образом отбирались только те, кто твердо решился выезжать при любых условиях; все колеблющееся, нерешительное отпадало. Естественно также, что это обычно бывали более молодые и не слишком обремененные семействами люди.

Я поспешил в Корпус — к счастью, я жил буквально в двух шагах от него. Здесь уже всюду царила эвакуационная суета. В канцелярии выдавали тем, кто собирался выезжать, послужные списки и жалование за три месяца; в цейхгаузе упаковывали одеяла и необходимое обмундирование, в библиотеке — учебники и учебные принадлежности. Как всегда, не обошлось без комического в трагическом — наш библиотекарь прежде всего аккуратно отобрал и упаковал все учебники и хрестоматии по... сербско-хорватскому языку!..

В канцелярии Корпуса я узнал, что предназначавшиеся первоначально для Корпуса вагоны были конфискованы немецкими властями, и вместо них железнодорожники предоставили открытые вагоны, в каких обычно перевозят дрова, уголь и т. п., при чем кадетам пришлось сначала разгрузить их. Нам предстояло совершить путешествие, так сказать, «под открытым небом». Зато ехать могли все, кто хотел, — всякие ограничения для воспитателей и преподавателей были сняты. Могли присоединяться и родители кадет, и даже лица, не имеющие никакого отношения к Корпусу. Руководили эвакуацией немецкий унтер-офицер, к сожалению, не помню его фамилии, очень энергичный, расторопный и благожелательный человек, и бывший кадет Корпуса Е. Лазарев. Когда я выходил из здания Корпуса Лазарев стоял у ворот, окруженный группой служащих и кадет. Речь шла о том — что ожидает нас в Германии. «Что бы ни ожидало — спокойно и убежденно говорил Лазарев — а бежать все равно нужно! У остающихся, особенно — служащих Корпуса, мало шансов уцелеть, а уж концлагеря не избежать никому!..». Думаю, что его спокойная убежденность произвела впечатление и повлияла на решение многих.

Насколько неожиданно было это перенесение эвакуации с 12-го на 10-е можно судить, например, по следующему факту. Не успел я прийти домой, как ко мне буквально бегом прибежала супруга одного из моих сослуживцев, С. Н. Боголюбова. Ее муж и сын-кадет находились в Корпусе, а дочь пошла к зубному врачу, торопясь закончить лечение зубов до назначенной на 12-е число эвакуации. Е. М. Боголюбова не знала адреса зубного врача и просила меня пройти к нему и сообщить дочери о происшедшей перемене. Я, конечно, сейчас же исполнил ее просьбу, а вернувшись домой принялся наскоро собирать самые необходимые вещи. Много брать было нельзя — мы были предупреждены, что носильщиков в Германии во время войны, конечно, нет, и надо расчитывать только на собственные силы при переносе багажа.

На душе было смутно и тревожно — вся прежняя, только что наладившаяся было жизнь рушилась, надвигалась полная неизвестность... Иногда мелькала мысль бросить все это, остаться... и «будь, что будет»!.. Однако, давно принятое решение быть с русскими детьми и юношами до конца и разделить их судьбу победило. — К двум часам, едва волоча за собой свои два чемодана я притащился на вокзал. Пассажирский состав с тремя открытыми товарными вагонами «в хвосте» уже стоял перед зданием вокзала. В двух товарных вагонах поместились служащие Корпуса и родители кадет, третий был занят самими кадетами. В конце этого вагона развивался русский национальный флаг. В будке второго вагона обосновался Директор Корпуса, ген. А. Г. Попов — и с этой возвышенной позиции он мог наблюдать за кадетами, поместившимися, как только что было упомянуто, в третьем вагоне. Фактическое руководство кадетами взял в свои руки капитан Лазарев, а непосредственными начальниками были и. д. вице-фельдфебеля М. Скворцов и окончивший в том году Корпус Р. Алексеев.

Весь вокзальный перон был занят провожающими. Здесь присутствовало, вероятно, все русское население Белой Церкви. У всех вид был растерянный, даже испуганный, некоторые плакали. Были, впрочем и такие, которые продолжали твердить: «Ну, куда вы едете?.. На что вы надеетесь?.. Страшно подумать, какую глупость делаете и т. п.». Эти голоса вносили еще больше растерянности и тревоги в общую сумятицу.

Ровно в два часа поезд резко двинулся с места, медленно вышел из станции и пошел ускорять ход, огибая город. В последний раз мелькнуло вдали старое здание Корпуса... и вот уже Белая Церковь позади... Болезненно сжалось сердце — полный отрыв от прошлого, конец большого и — несмотря ни на что — светлого периода жизни. А поезд, постукивая колесами и все ускоряя ход, уносил нас к чему-то новому, неизвестному и потому страшному... В вагоне, заваленом наскоро погруженными вещами, было тесно, — многие мужчины всю дорогу не имели даже возможности лечь и вынуждены были спать сидя. По милости Божией погода нам благоприятствовала, было тепло и сухо, страшно подумать, что могло бы быть, если бы шли дожди!..

К вечеру состав наш достиг Великого Бечкерека, столицы области Банат. Тут была объявлена ночевка, и, чтобы лучше отдохнуть перед трудным путешествием, некоторые из эвакуировавшихся, в том числе и я, отправились ночевать в городскую гостиницу. Нужно ли говорить, что мало кто спал хорошо в эту ночь — я, во всяком случае, лежал без сна до рассвета, ошеломленный событиями, тщетно пытаясь успокоить взвихрившиеся, взволнованные мысли...

Рано утром, позавтракав в ресторане гостиницы, мы направились назад, на вокзал. По дороге видели наряд кадет во главе с самим Е. Лазаревым, отправляющийся за продуктами для эшалона. Вскоре после их возвращения нам был выдан дорожный паек — хлеб и банки отличных свиных консервов.

Еще в Врщце присоединилась к нам группа учеников начальной школы из Панчева.

После довольно долгой стоянки в Бечкереке мы, наконец, тронулись в дальнейший путь и вскоре переехали венгерскую границу. Все было кончено, возврата уже не было, все колебания рассеялись, и — как это часто бывает — на душе стало легче.

Вскоре после этого, во время остановки на какой-то маленькой станции Директор Корпуса произвел кадета М. Скворцова в вице-фельдфебели Корпуса. Незабываемое впечатление оставило это производство где-то в глуши, среди кажущейся чуждой природы, на глазах у изумленных венгров — служащих железнодорожной станции и жителей небольшого поселка. Нахлынули воспоминания, и опять стало грустно и тоскливо на душе.

Следующую ночь мы провели в городе Сабатка. Это был раньше пограничный с Венгрией город Суботица, отошедший после поражения Югославии к Венгрии. Эту ночь мы проводили уже в вагонах. Местные власти предупредили нас, что ночью возможна воздушная бомбардировка и даже нападение партизан. У кадет было некоторое количество винтовок (весьма старинного образца!..) и германских стальных шлемов. Были, кажется, и патроны. Из старших кадет была организована охрана вагонов с эвакуирующимися. Помню, как один из этих кадет, мать которого ехала в нашем вагоне, под вечер поднялся к нам и заявил: «Мама, вокруг станции бродят партизаны, так что ты не бойся, если ночью будет шум и стрельба, и ни в коем случае не подымайся над краем вагона!..» Мать только руками всплеснула, но большинство присутствующих не могли удержаться от смеха — успокоил, нечего сказать!

А ночь была жуткая, пожалуй — самая жуткая за все время нашего путешествия. Когда стемнело, вдали с разных сторон появились зарева пожаров, около станции то и дело гремели выстрелы, временами издали доносился уже знакомый гул американских самолетов. Когда наступала тишина, были слышны шаги кадета-часового.

Мне почему-то кажется — и тут я расхожусь во мнении с другими свидетелями нашей эпопеи — что именно тут, в Сабатке, произошло это страшное, трагическое событие — свалился с борта вагона на рельсы и был задавлен колесами движущегося поезда один из учеников Панчевской школы. Сидеть на борту вагона было строго запрещено, и кадеты сами следили друг за другом, но мало дисциплинированные по сравнению с кадетами ученики школы не обращали внимания на это запрещение. — Не более как через час после трагического события я посмотрел в сторону вагона школьников и увидел, что дети опять сидят на борту вагона. После этого кадеты взяли школьников под свое строгое наблюдение, и остальное путешествие прошло без несчастных случаев.

Наконец мы покинули негостеприимную Сабатку. Начались наши скитания по Венгрии. Поезд катился то среди отрогов Карпатских гор, то по широким равнинам Панонии. Мелькали мимо маленькие станции с железнодорожными служащими в синих мундирах и твердых, австрийского типа кепи. Иногда около полотна железной дороги стояли группы венгерских

крестьян, с любопытством поглядывающих на развивающийся трехцветный флаг. Наши, никогда не унывающие кадеты, немедленно занялись «воспитанием» венгров, — знаками требуя, чтобы они салютовали этому флагу. Многие из крестьян послушно салютовали, с недоумением глядя и на незнакомый флаг, и на молодых людей в защитных рубахах, с погонами на плечах, в немецких шлемах и с допотопными винтовками в руках.

Наличие оружия у кадет, видимо, особенно раздражало венгерские власти. Когда мы остановились на какой-то маленькой, затерянной среди пригорков станции, начальник ее заявил, что винтовки должны быть немедленно сданы станционной полиции, иначе их отберут силой. Капитан Лазарев собрал кадет, объяснил положение и дал директивы: «Расходитесь по вагонам, а когда я скомандую, выскакивайте из вагонов и стройтесь, да смотрите — чтобы как горох сыпались из *всех* вагонов, да и шуму побольше!...» Кадеты в точности исполнили приказания. Когда шеренга кадет с вооруженными старшими кадетами на правом фланге вытянулась на платформе, вопрос о разоружении кадет больше не подымался.

Помню еще один случай «столкновения» с венгерскими властями. — Всегда, когда это было возможно, проводилась общая вечерняя молитва. Незабываемое впечатление производила эта трогательная церемония, эти молодые голоса, исполняющие в глуши чужой страны наши дивные православные молитвенные песнопения. На одной станции группа венгров-железнодорожных служащих стояла вплотную к строю, с любопытством наблюдая происходящее. Стояли они, конечно, в своих кепи, но когда кадеты по команде «на молитву шапки долой!» обнажили головы, венгры сделали то же самое — кроме одного из них. Окончивший кадет Алексеев твердым шагом подошел к нему, спокойно снял у него с головы кепи, дал ее ему в руки и повернулся к строю. Венгр, видимо очень рассерженный, опять было нахлобучил шапку, но на этот раз у него снял ее с головы стоявший рядом старый венгр. Они обменялись несколькими возмущенными фразами, которых мы, конечно, не поняли, затем первый венгр повернулся и отошел, натягивая кепи и сердито ворча что-то себе под нос.

Наш «пробег по Венгрии» продолжался. Советские войска подошли уже к самым границам страны, была объявлена всеобщая мобилизация — и нашему составу часто приходилось

стоять на маленьких станциях или даже просто в поле, пропуская воинские поезда. Двигались мы все-таки главным образом днем, по ночам стояли в поле... Помню одну такую ночь сравнительно недалеко от Буда-Пешта — в воздухе стоял гул моторов и глухие раскаты взрывов, в стороне столицы пламенело зарево и вспыхивали огненные столбы, в небе фейерверком рассыпались разрывы снарядов зенитной артиллерии... А вблизи нас, в поле то и дело трещали одиночные выстрелы: красные партизаны давали о себе знать. Днем состав наш метался из стороны в сторону, несколько раз меняя курс — нам необходимо было переехать через Дунай, п. ч. путь наш лежал на Вену, а англо-американская авиация систематически бомбила мосты, приводя их во временную негодность. Иногда поезд вдруг останавливался в поле — приближались неприятельские аэропланы, приходилось выскакивать из вагонов и скрываться в растущей вдоль полотна железной дороги кукурузе. А время шло, выданный паек был съеден, те, кто запаслись съестными припасами из дому, доедали их, остальные начинали «приголадывать». Задержки, между тем, становились все чаще: то надо было пропускать воинские составы, то был поврежден путь, то не хватало топлива. Нужно отдать справедливость нашему немцу — «транспортфюреру», он делал все, что мог. Едва нас задерживали на каком-нибудь полустанке, как он уже выскакивал из вагона и на ходу бросив начальнику полустанка: "Wir muessen weiter! Diese Leute haben keine Verpflegung", направлялся прямо к телефону, для «нажима» на начальство. Если бы не его энергия и настойчивость, мы, вероятно, колесили бы по Венгрии вдвое дольше.

Наконец, помнится, ночью, медленно, как бы украдкой мы перебрались через Дунай и покатили дальше уже почти без задержек по направлению к Вене. Вскоре вокруг уже побежали изящные как игрушки дачи, тонущие в зелени садов венских предместий. Солнце ярко светило, играя на чисто вымытых стеклах окон, на белых, как снег, стенах зданий; красные черепичные крыши весело высовывались из зелени деревьев... Мысли о войне как-то отошли на второй план, на душе стало как будто спокойнее, даже веселее, при виде всей этой красоты.

Увы, — особенных причин для веселия не было. Уже стало известно, что мы направляемся в Эгер, старинный город в

Чешских Судетах, известный тем, что там во время 30-летней войны был убит заговорщиками полководец Валленштейн. Но что нас там ожидает, оставалось неизвестным, — и по пессимистическому предсказанию ген. Попова «ничего хорошего». К сожалению, он оказался прав. В Вене нам выдали рацион на дальнейший пуь. Дальнейшее путешествие шло гораздо более гладко, чем путешествие по Венгрии; в Германии повсюду царил образцовый порядок, и нельзя было сказать, что страна находится накануне полной военной катастрофы.

Налеты англо-американской авиации, конечно, продолжались. Однажды нас задержали на какой-то маленькой станции — где-то впереди шла бомбежка. Не отдавая себе отчета в грозящей опасности, пассажиры наших вагонов устроили на шоссе настоящий бульвар, прогуливаясь мимо станции, с удовольствием разминаясь после долгого сидения и оживленно болтая. Тут нам пришлось познакомиться с немецкой строгостью и дисциплиной. Возмущенный нашим поведением комендант местечка вызвал к себе капитана Лазарева. Через некоторое время Лазраев собрал всех пассажиров на склоне холма и, стоя на вершине холма, учинил нам изрядный разнос. До сих пор помню его слова: «из-за вас мне приходится получать замечания и выговоры немецкого начальства! Разве вы не понимаете, что здесь люди не шутят!.. Здесь идет война!»

Наконец, 17-го сентября мы прибыли в Эгер. Выгрузившись, мы долго еще слонялись по вокзалу, выходили то на перон, то на площадь перед вокзалом, с нетерпением — и страхом — ожидая дальнейших директив. Часа через два-три на вокзале появился немецкий офицер с новыми распоряжениями. Кадетам было приказано отправиться в военный лагерь для молодежи; остаться с ними было разрешено только Директору Корпуса. Преподавателям и воспитателям Корпуса, родителям кадет и всем остальным лицам надлежало отправиться в какой-то проходной лагерь в самом городе.

С вокзальных ступенек мы молча наблюдали как кадеты выстроились — последний раз на наших глазах — и с песнями двинулись вперед... в неизвестность... По мере того, как исчезали в уже спускающихся сумерках ряды наших кадет и глохли, удаляясь, слова столь знакомых, родных песен, все более тоскливо и пусто становилось на душе. Мы уже понимали, что присутствуем при ликвидации последнего русского национального Корпуса, что надежды на продолжение работы с

русской молодежью здесь, в Германии, рухнули, что теперь мы с нашей молодежью пойдем, поневоле, разными путями...

Через некоторое время подали грузовик для наших вещей, и мы двинулись в наш проходной лагерь. Это был лагерь, в котором останавливались разъезжающиеся по домам иностранные рабочие, главным образом итальянцы и французы.

На другой день с утра мы, конечно, отправились навещать наших кадет. Мы нашли их в лагере вместе с молодежью других национальностей, и уже не в столь знакомых защитных рубашках с погонами, а в голубовато-серой форме германской авиации. Стало окончательно ясно, что нам, старому Корпусному персоналу, места около наших бывших питомцев больше не будет. Первый Русский Кадетский Корпус прекратил свое существование...

А еще через несколько дней нам — так же неожиданно и в срочном порядке — было предложено грузиться в поезд, и нас отправили в большой проходной лагерь в Граце. Наша связь с кадетами окончательно прервалась, начинался совершенно новый этап нашей беженской жизни.

В. Курганский.

МОЛОДАЯ ЖИЗНЬ

Кому нужна прохожая душа?
Кому нужно молодое сердце?
На дворе осеннее небо грустное,
Все поливает безразлично...

Кто займется молодым существом?
Которое входит в жизнь,
И волнуется и тревожится?
А жизнь все течет!

Кто о соседе поволнуется?
Все только, только о себе!
Сил не хватает, времени нету...
А вечно за себя бороться нужно.

Вот судьба какая человека!
Кто умрет, да кто родится,
И одинокий проживает, один
Счастливый, другой с трудом.

Аня Новосельцева

В НАШИХ ОБЪЕДИНЕНИЯХ

ОДИН ГОД.

В 1971 году, в ноябре месяце, возвращаясь из путешествия по Европе, где я встретил кое-кого из кадет, я прибыл в Нью Йорк. Там я был радушно встречен Председателем О.К.Р.З. К. К. Глебом Сперанским и его супругой. Вскоре к Глебу поспешили Валя Глинин и Петя Генин, уже узнавшие о моем приезде.

Все они мои однокашники по Крым. Кад. Корпусу, младше меня по выпуску. Мы не виделись около 30-ти лет, а с некоторыми и дольше, но встретились как родные братья и заговорились до 4-х часов утра по европ. времени. Для них это было «детское время» (в Нью Йорке было всего 10 час. вечера).

На другой день за мной приехал мой тезка и одноклассник еще по Владикавказскому Кад. Корпусу и также по Крым. Корпусу Гриша Харитонов, коренной кадет Ташкентского Корпуса. Глеб понял, что чувствовал Харитонов, и «уступил» меня моему тезке. Я прожил у него всю неделю моего пребывания в Нью Йорке в кругу его семьи: милой и заботливой Софьи Анатольевны и их сына Миши. Не менее радушно я был принят также и в семье Вали Глинина и Коли Козякина.

Цель этой моей статьи — история одного года Обще-Кадетского Объединения в Австралии. Я уклонился от этой цели, чтобы лишний раз подчеркнуть насколько крепка кадетская спайка и чувство «локтя», что ни разница в корпусах, ни разница в выпусках или летах, ни 30-тилетний период потери всякой связи не ослабили кадетской спайки, и мы и после 30-35 лет встречаемся, как родные братья, и даже с теми из кадет других корпусов, кого до сих пор ни разу не встречали. Это и есть бесспорное и яркое доказательство правды нашего заграничного девиза: РАССЕЯНЫ, — НО НЕ РАСТОРГНУТЫ».

Хотя я и раньше знал о существовании многих Кадетских Объединений, но здесь воочию я убедился в крепкой спайке и огромной и дружной работе Объединения в Нью Йорке. Достаточно сказать, что кроме других разновидностей деятельности (касса взаимопомощи, издание «Кадет. Переклички» и др.), Объединение в Нью Йорке каждый год устраивает «Ка-

детский Бал», лучший в Нью Йорке, на котором бывает иногда больше 1000 гостей. О благотворной деятельности не только Объединения Кадет в Нью Йорке, но и в Сан Франциско можно написать большую статью, что в данный момент выходит из рамок этой.

В Сан Франциско тоже большое Объединение Кадет. Достаточно упомянуть, что на ежегодном семейном кадетском обеде Обще-Кадетского Праздника в День Св. Николая Зимнего (около 19 Декабря) бывает до 200 чел. кадет с семьями, о чем мы здесь в Австралии и мечтать не можем.

В Сан Франциско на аэродроме меня встретили Юра Телятников (Крымец) и Петя Геттенбергер (Хабаровец). Петя встретился со мною впервые. Несмотря на это он не только отнесся ко мне, как к родному брату, и приютил у себя, но и устроил мне вместе со своей милой супругой и другими кадетами дружескую встречу-банкет в своем доме. За нарядным и богато накрытым столом собралось с дамами 12 человек. Я был 13-м и, как видите, ничего со мной не случилось. Задушевная беседа затянулась до поздней, поздней ночи. Я был глубоко тронут таким вниманием ко мне. У меня было чувство, что я нахожусь среди дорогих и близких мне друзей. Мало того: Петя взял отпуск, чтобы побыть со мной, показать Сан Франциско и повезти ко всем приглашавшим меня кадетам. Я ведь не знал города, да и с наступлением темноты мне не рекомендовали ходить по улицам.

Несколько подробнее я остановился на встрече в Сан Франциско, чтобы еще раз показать: какое чувство дружбы и крепкую спайку дает воспитание в кадетском корпусе.

Также радушно, как родной и близкий, я был принят в Лос-Анжелосе в семье однокашника Жоржа Чарикова и другими кадетами. Почти недельное пребывание мое там тоже было сплошным праздником среди дорогих однокашников и их милых семейств. И здесь кадеты объединены и не утеряли «чувства локтя».

Так вот все эти встречи навели меня на мысль: «почему бы и нам в Австралии не объеиниться в одну дружную кадетскую семью?»

Я знал, что в Аделаиде (Южн. Австралия) существует Объединение кадет только для Аделаиды, вероятно, просто потому, что легче было встречаться.

Я возвратился из Америки к Р. Х. 1971 г. и уже в начале 1972 г. я поделился идеей создания Объединения с А. Зекрачем в Сиднее, здесь в Мельбурне с В. Касперовичем и в Хобарте (Тасмания) с С. Ольденборгером. С их стороны я встретил полное одобрение и поддержку. Тогда я начал переписку с отдельными кадетами, а В. Касперович переговоры с теми из однокашников, кого он знал лично. Кроме того я дал в газете «Единение» обращение к кадетам отозваться с целью создать объединение. Отозвался только лишь один Алексей Юльевич Сильяндер, кадет Симбирского Кад. Корпуса выпуска 1908 года.

В договоре с Вл. Касперовичем дано было объявление о созыве Организационного Собрания. В назначенный же день, кроме меня и Вл. Касперович явился еще один кадет.

Мы не пали духом и снова созвали Организ. Собрание, пославши каждому из 11-ти Мельбурнцев личное приглашение. На сей раз Собрание состоялось 31-го Декабря 1972 г. На приглашение ответили 7 чел., из которых трое просили их извинить и передали свои полномочия и голос другим.

На этом Собрании ввиду малочисленности кадет было решено основать Отдел Объединения Кадет Российских Зарубежных Кад. Корпусов с присоединением к таковому же в Нью Йорке, а за Старшего Кадета Отдела избрали Г. А. Чикалова.

Протокол этого Собрания был разослан многим кадетам в Сидней, Тасманию и Канберру. К Отделу сразу же присоединились из Сиднея 7, из Тасмании 2 и из Канберры 1. Таким образом к началу 1973 г. уже в Отделе было не 11, а 21 кадет.

При этом из других городов сразу пришли запросы: почему Отдел, а не просто Объединение. Тогда 22-го Апреля 1973 г. было созвано второе Собрание, на котором присутствовало 6 чел., а остальные 5 просили извинить за отсутствие по уважительным причинам.

На этом Собрании было решено переименовать Отдел в Объединение Кадет Росс. Зарубежных Кадетских Корпусов; избрать Председателя (Г. А. Чикалов, Кр.К.К.), секретаря (Вл. Касперович, 1 Р.К.К.К.) и казначея Г. Сенатова (1 Р.К.К.К.) Был установлен членский взнос $3 в год, т. е. 25 цент. в мес На этом же Собрании решили устраивать семейные кадетские встречи

Первая дружеская встреча кадет была назначена на 3 Июня, день Корпусного Праздника Крым. Кад. Корпуса и Шефский Праздник 1-го Русс. Княже-Константиновского Корпуса (День Св. Равноапостольных Царей Константина и Елены). Но ввиду того, что этот день в Мельбурне был Траурным Днем по случаю годовщины выдачи казаков и солдат Р.О.А. большевикам, пришлось встречу отложить на 10-ое Июня.

Вл. Касперович и его милая супруга предложили устроить встречу в их доме. Предложение было принято с благодарностью, но под условием, что встреча будет на тех же началах, как это практиковалось в Югославии, т. е. в складчину.

10-го Июня в 2 часа дня у радушных хозяев А. Д. и Вл. Касперовичей собралось 15 чел. (8 кадет и 7 дам). Отец Дм. Симонов (Кр. К. К. 1925) отслужил молебен о здравствующих кадетах с семьями, воспитателях и преподавателях и литию о всех убиенных на поле брани и скончавшихся в заключении и изгнании.

Встреча продолжалась до позднего вечера в теплой дружеской атмосфере. Возглашались тосты с поздравлением Крымцев с Корпусным праздником, а Княже-Константиновцев с Шефским Праздником тосты за здоровье гостеприимных хозяев, за здоровье дам и присутствовавших кадет. Казалось, что собрались едва знакомые друг другу люди, особенно дамы, а создалась такая теплая задушевная атмосфера, как будто мы давно знали друг друга и принадлежим к одной семье. Рассказы, воспоминания, песни лились одни за другими даже и тогда, когда перестало литься вино и перешли на чай. Сыпались шутки, остроты, раздавался веселый заразительный смех.

Необходимо отметить, что на этой встрече я предложил устроить экстренное Собрание, что и было сделано в «Кадетской Комнате» Вл. Касперовича, богато украшенной портретами Августейших Особ и директоров и кадетскими эмблемами, включая прекрасный значек Крым. Кадет. Корпуса, работы самого хозяина.

На этом Собрании я предложил наше Объединение переименовать в Обще-Кадетское, т. е. в него вошли и кадеты Императорских Кадет. Корпусов, никогда не бывшие в Зарубежных Корпусах. После дискуссии мое предложение было принято единогласно и наше Объединение решили Именовать

«Обще-Кадетское Объединение в Австралии», о чем были оповещены все отсутствовавшие на встрече, а также и Объединения в Америке.

Незадолго до нашего Обще-Кадетского Праздника у нас был дорогим гостем кадет из Сан-Франциско Алексей Пустовойтенко, с которым мы провели вечер воспоминаний опять в доме нашего гостеприимного секретаря Вл. Касперовича.

Наш первый Обще-Кадетский Праздник решили отпраздновать 23-XII, т. к. 6/19-XII падало на среду — рабочий день.

В этот раз вернувшиеся из путешествия по Европе и Америке Е. А. и Д. Крамаревы любезно пригласили устроить встречу у них, что и было с благодарностью принято.

Очень приятно отметить, что в этом празднестве приняли участие и наши новые члены Объединения Анатолий Чириков (2 вып. Кр. К. К.) из Балларата и Феодор Кадушкин (3 вып. Кр. К.К.) из Аделаиды.

На этой второй встрече — Обще-Кадет. Празднике были 9 кадет и 5 дам. Гостиная была украшена погонами 3-х Корпусов: Донского, 1-го Русского В.Кн.К.К. и Крымского, работы нашего неутомимого секретаря Вл. Касперовича. В красном углу аналой с иконами Св. Николая Чудотворца и Св. Равноапостольного Князя Владимира.

О. Дм. Симонов, как и на первой встрече, отслужил молебен и затем литию. После молитвы все стоя прослушали с пластинки, напетой хором кадет О.К.О. — Сан Франциско, «Песнь Дворянского Полка» и «Наш Полк». За столом при перекличке по корпусам присутствовавшие представители пили чару за свой корпус. Здравица возглашалась за здравицей и под пение (с пластинки хором кадет «Фуражка милая, не рвися», «Звериада» и др. песни) лились воспоминания из кадетской жизни и разные комические случаи из жизни в новой стране.

Снова все присутствующие, несмотря на разный возраст и разные выпуски разных корпусов, ощущали, что они принадлежат к единой Кадетской семье и хотя и «рассеяны, но не расторгнуты».

Беседа затянулась до позднего вечера, когда наши гостеприимные хозяева предложили просмотреть диапозитивы из их путешествия по Европе и Америке и о встречах в этих странах с кадетами и их семьями.

Разошлись мы только в 11-том часу, сердечно поблагодарив милых хозяев Е. А. и Диму Крамаревых.

17-го Марта с. г. состоялось Годовое Общее Собрание О.К.О. — Австралия. На этом собрании лично присутствовали 10 чел., из них А. Чириков из Баллара та и Ф. Кадушкин из Аделаиды. Заочно приняли участие еще 12 кадет (из Сиднея, Тасмании и Перта), письменно голосовавшие как за избирательные списки, так и по предложениям, изложенным в повестке дня. Таким образом в Годовом Общем Собрании под председательством А. П. Вырубова (Одессита) при секретаре Собрания И. Ф. Охотине принимали участие 22 кадета Нашего Объединения.

Переизбрано было старое Правление в составе: Председателя Г. А. Чикалова, Секретаря Вл. Касперовича и Казначея Г. Сенатова. В этот раз была избрана и Ревиз. Комиссия в составе О. Саликова и Дм. Крамарева.

На этом же Собрании было постановлено учредить наградную премию тому из выпускных учеников наших церковно-приход. школ, кто напишет лучшую работу на тему из истории Российского Государства.

Считая за честь, что в нашем Объединении состоят такие члены, как старейший кадет Алексей Юльевич Сильяндер, Кавалер Ордена Св. Георгия 2-ой ст. и многих других Орденов, один из первых Военных Летчиков Российской Императорской Армии, кадет славного Симбирского Кад. Корпуса вып. 1908 г. и один из старейших кадет Объединения Петр Петрович Левоненко, Регент хора Мельбурнского Кафедрального Собора, кадет славного Суворовского Кад. Корпуса вып. 1917 г., — члены Годового Общего Собрания единогласно их избрали Почетными Членами Обще-Кадетского Объединения в Австралии.

Этим торжественным актом Годовое Общее Собрание после молитвы было закрыто.

Ко дню Годового Собрания, т. е. к 17-ому Марта 1974 г. в нашем Объединении уже состояло 30 кадет. Я не сомневаюсь и надеюсь, что к концу этого года число членов Объединения возрастет до сорока.

Таковы результаты первого года существования нашего Обще-Кадетского Объединения в Австралии.

23 Апреля 1974 г.

Мельбурн - Австралия *Г. А. Чикалов.*

25-ЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ О.К.О. В АРГЕНТИНЕ.

I

В январе 1949 г. в Буэнос Айресе, по инициативе кадета-Аракчеевца С. В. Грузинцева было созвано Организационное собрание воспитанников Рос. Императорских и Зарубежных кад. корпусов. Этим было положено начало О.К.О. в Аргентине. Из числа более 250 человек кадет, проживавших на территории «Большого Буэнос Айреса», в Объединении зарегистрировалось, изъявив свою готовность сотрудничать, 127 человек-кадет 26 Императорских и всех зарубежных корпусов. Было выбрано правление, во главе с С. В. Грузинцевым, которое начало успешную работу для достижения поставленных целей:

1) Объединения воспитанников кад. корпусов ради поддержания взаимной связи, не только на территории Аргентины, но и на всех 5 континентах.

2) Сохранения для будущих поколений исторических данных, касающихся наших корпусов и наших традиций.

3) Привлечения в наши ряды молодежи — сыновей и родственников кадет, которые впоследствии должны будут принять эти традиции от нас.

4) Моральная и матерьяльная помощь престарелым, больным и нуждающимся.

Был создан музей, были собраны кое-какие средства после успешно проведенного бала, намечалось даже устройство «Кадетского собрания».

К сожалению, в Объединении произошел раскол. Нет смысла разбирать причин этого раскола. Все в прошлом. Главные последствия, к которым этот раскол привел: образование двух Объединений, враждующих между собою; отдаление многих кадет, в особенности зарубежных младших выпусков, от кадетской среды и жизни.

Пагубное действие всего этого не замедлило сказаться. Жизнь и деятельность двух Объединений начали постепенно замирать и вскоре они существовали только номинально.

Зарубежные кадеты начали объединяться вне рамок О.К.О. и стало намечаться образование нового Объединения.

Тогда старые кадеты, во главе с пок. полковником Н. Ф. Петровым (зав. обмундированием последнего корпуса) обрати-

лись к ним с письмом, прочитанным на празднике Крымского кор. в 1955 г., прося не делать новой оргнаизации, а войдя в О.К.О. принять в нем руководство.

В июне 1956 года было образовано новое правление, руководящие должности в котором приняли зарубежные кадеты: председатель М. П. Негоднов, в.-председатель В. Б. Островский, секретарь С. А. Якимович, казначей Г. Г. Бордоков — все Крымского корпуса. Кроме того, впоследствии были кооптированы в правление другие зарубежные кадеты.

Полные идеализма, энтузиазма и энергии, члены нового правления усердно взялись за дело, и в короткий срок успели создать О.К.О. среди Русской общественности репутацию, которую оно и заслуживало и которой пользуется и по сей день. В нескольких словах — работа правления и его достижения выразились в следующем:

Издание журнала «Кадетское Письмо». Вышел 21 номер. Как по форме так и по содержанию, журнал получил самую лучшую оценку читателей.

Матерьяльная поддержка однокашникам, находившимся в советских концлагерях или вернувшимся оттуда.

Помощь существовавшему в то время в Версале Корпусу-лицею.

Помощь Русским начальным школам в Аргентине.

Торжественное собрание по поводу 100 летия со дня рождения Великого Князя Константина Константиновича с докладами и выпуском специального номера журнала.

Выдача наград лучшим ученикам Русских начальных школ, в память кадет павших в Белой Борьбе.

Привлечение в ряды О.К.О. возможно большего числа однокашников.

Устройство «Кадетских встреч», которые по своей торжественности, вышли из рамок эмигрантских «чашек чая и блинов» и носят характер национальных манифестаций и отдания должной чести родным корпусам. Встречи устраиваются два раза в год и приурочены к празднику Крымского корпуса в июне и к празднику Княже-Константиновцев в декабре.

Но в начале шестидесятых годов, нормальная жизнь Объединения была нарушена: во-первых, отъездом за границу председателя М. П. Негоднова; затем болезнь и смерть А. Г. Денисенко прервали выход нашего журнала. Смены редактору не нашлось. Жизненные условия и работа, не позволили вр. и. д.

председателя В. Б. Островскому, посвятить себя в довольной мере работе в О.К.О. и он, в начале июня 1963 года сложил с себя должность председателя.

Тогда снова собралась инициативная группа, реорганизовавшая Правление, продолжившее дело предшественников. Во главе правления, стал В. В. Юргенс, передавший эту должность 13 мая 1973 года, после Общего собрания, С. А. Якимовичу.

В. В. Юргенс на этом же собрании был единогласно избран пожизненным почетным председателем О.К.О. в Аргентине. В правление вошли исключительно зарубежные кадеты.

Несмотря на все затруднения, появившиеся в течение 25 лет существования мы все же с честью вышли из самых тяжелых положений и продолжаем свою работу по сей день.

И точно так же, как во всех странах нашего рассеяния, так и у нас в Аргентине бьется пульс кадетской жизни, не давший кадетам раствориться в обывательской массе и потерять такое важное «чувство локтя».

II

9 июня 1974 г. ОКО в Аргентине, объединяющее императорских и зарубежных кадет, отпраздновало 25-летие своего существования. Эта дата была выбрана, как ближайший воскресный день к праздникам: корпусному Крымского и Шефскому 1 Р.В.К.К.К. корпусов. После литургии, в Храме св. Сергия Радонежского состоялся молебен с поминовением, на котором присутствовало около 130 челвек-кадет с семьями. Перед началом молебна, настоятель Храма, протоиерей о. Владимир Шленев (Княже-Константиновец 28 вып.) обратился к присутствующим со словом, произведшим на всех большое впечатление.

Прекрасно пел хор, составленный на месте из кадет и их супруг — большинство институток. Было провозглашено многолетие Главе Российского Императорского Дома и всем начальствующим, учившим и учившимся в корпусах. Затем были помянуты все державные основатели и шефы корпусов, Короли Югославии Александр I и Петр II, все начальники и кадеты, на поле брани живот свой положившие, в смуте убиенные и в миру скончавшиеся.

По окончании молебна, протоиерей о. Владимир поздравил всех однокашников, с юбилеем, пожелавши Объединению и

дальше идти тем путем, по которому оно идет уже четверть века, думая всегда о России.

По давно установившейся традиции, кадеты, после окончания молебна, построились перед зданием школы для встречи старейшего кадета и отдания чести Аргентинскому и Русскому флагам. Отмечая юбилей, объединение подарило школе новые флаги. Строем командовал председатель С. А. Якимович. Строй приветствовал Гвардии полковника Рейнгардта (Полоцкого к.к. вып. 1898). Возле мачты с флагами стояли молодые кадеты — сыновья наших однокашников: А. Андрушкевич в форме Аргентинского корпуса и А. Шленев в форме Княже-Константиновца. Под звуки Аргентинского гимна был поднят Аргентинский флаг. Затем под торжественные и величественные звуки русского народного гимна: «Боже Царя Храни» был поднят наш трехцветный флаг — символ величия и славы России. В строю 36 кадет, из которых 24 зарубежные. На левом фланге 4 аргентинских кадета в форме морского и сухопутного корпусов — дети наших однокашников. Плечо к плечу стоят: и ветераны войны 1914-18 г.г. и ветерани гражданской и второй мировой войни и кадет поступивший в корпус в 1944 г. Всех их связывает девиз: «Рассеяны — но не расторгнуты». По окончании церемонии все присутствующие перешли в зал школы, украшенный портретами Царской семьи, Вел. Кн. Константина Константиновича и эмблемами О.К.О.

Председатель обратился с приветствием ко всем присутствующим, поздравив Крымцев и Княже-Константиновцев с праздниками и подчеркнул необходимость передать наши традиции нашей смене — детям и внукам кадет. Почтили вставанием и пеньем «Песни Дворянского полка» память ушедших в луч-

ший мир. Во время пенья, молодые кадеты Андрушкевич и Шленев спустили настольные флаги на «пол копья». Пропели молитву и о. Владимир благословил трапезу, приготовленную заботами наших милых дам.

Первый тост был провозглашен за Главу Императорского Дома и за Родину. Затем следовали тосты: за старейшего кадета, за родные корпуса, за Дамский комитет, за представителей организаций присутствующих на празднике, за молодежь, за все Объединения кадет и всех однокашников в рассеянии сущих. Прочитаны приветствия отсутствующих по болезни: воспитателя Донского корпуса И. Ф. Сулацкого, председательницы Объединения институток и Председателя Объединения пажей. Получены телеграммы Княже-Константиновца 13 вып. Л. Ермакова и Крымца 2 вып. корнета Шокотова. Последний тост, покрытый несмолкавшими аплодисментами, был провозглашен за казначея Объединения Г. Г. Бордокова, находящегося на должности безсменно 25 лет. Ему был поднесен кубок, украшенный эмблемой О.К.О. с соответствующей надписью.

Следуя решеньям 3-го съезда Кад. Рос. Зар. Корпусов, были приняты в члены Объединения сыновья однокашников: Николай и Александр Андрушкевичи и Алексей Шленев. Тамара Александровна Захаржевская, супруга однокашника, прочла свое стихотворение «На крестном пути». Дочь однокашника Анюта Дубина прочла стихотворение Н. Белавиной «Без берез».

Во время трапезы, по старому обычаю, была произведена «Перекличка Корпусов». К сожалению много корпусов оставались без ответа. Благодаря любезности А. С. Андрусена и И. В. Фердинандо, все важные моменты празднества были сняты на фильм и сфотографированы. «Перекличкой корпусов» была закончена официальная часть и в дружеской беседе и пеньи военных и кадетских песен, незаметно прошло время и нужно было расходиться. Расставались с сожалением, с пожеланиями снова встретиться в дружной семье, где все забывают о годах и чувствуют себя снова молодыми институтками и кадетами.

Будем надеяться что и впредь, наши встречи будут способствовать спайке и приведут в наши ряды молодежь — детей наших однокашников, которым будет суждено продолжить наше дело.

С А. Якимович
5 вып. Кр. Кад. Кор.

24 ноября 1974 г. в здешней Церковно-Приходской Школе при Храме св. Сергия Радонежского состоялся школьный акт по окончании учебного года. По окончании программы, председатель О.К.О. в Аргентине выдал, как всегда, награду лучшей ученице школы (среди мальчиков в этом году не было «отличников») в память кадет в юношеском возрасте, за Веру, Царя и Отечество, в рядах Белых Армий, на поле брани живот свой положивших.

В этом году, как награда, была выдана книга нашего однокашника Бориса Пылина: «Первых 14 лет».

По поводу праздника О.К.О. (Св. Николая Чудотворца) и праздников многих корпусов, 22. 12. 1974 г. в Храме св. Сергия Радонежского протоиереем о. Владимиром Шленевым (Княжеконстантиновец) был отслужен молебен с поминовением, после которого в зале Церковно-приходской школы состоялась торжественная кадетская встреча.

Построившиеся кадеты встретили своего старшего однокашника полк. А. А. Рябинского — первопоходника и Георгиевского кавалера, Симбирск. Кад. корпуса вып. 1908 г., а затем отдали честь Аргентинскому и Русскому флагам. Поднятие флагов было произведено сыновьями нашего однокашника И. Н. Андрушкевича — кадетами Аргентин. корпуса.

После церемонии всем присутствовавшим была предложена закуска, приготовленная дамским комитетом. Как и всегда, столы были обильно заставлены произведениями кулинарного искусства наших дорогих спутниц на жизненном пути. Во время закуски, как и всегда, была произведена «Перекличка Корпусов». К сожалению, все больше и больше корпусов остаются без ответа.

По окончании официальной части, под акомпанимент гитары нашего однокашника А. Горелова (Княжеконстантиновец) пели кадетские и военные песни и разговаривали о днях, которые у всех остались и останутся как самые дорогие воспоминания. На празднике присутствовало около 80 человек кадет с семьями.

Во время «Переклички корпусов» капитан М. В. Аба Меликов, Влад. Киевского Кад. Корпуса вып. 1912 г. с большим удовлетворением отметил решенье 4-го съезда о прекращении разделения кадет на «зарубежных» и «старых» подчеркнув, что кадеты есть кадеты, где бы они не учились и где бы они не кончили корпус, если они хранят свои традиции.

Расходились с праздника с пожеланием вскоре снова встретиться дружной кадетской семьей.

КАДЕТЫ г. ТОРОНТО В 1974 ГОДУ

Тихо и спокойно прошел 1974 год для кадет Торонтовского Кадетского Объединения. Несколько кадет приняли участие на 4-м Съезде кадет зарубежных кадетских корпусов в августе месяце. Вернувшись со съезда поделились своими впечатлениями и ознакомили членов Объединения с решениями и постановлениями съезда. Ввиду того, что число членов объединения уменьшилось по разным причинам, и принимая во внимание постановления 3-го и 4-го съездов о привлечении кадет, не состоящих членами Объединения, было решено обратиться ко всем членам, приложить все усилия к привлечению всех кадет вступить в ряды Объединения. Для первой встречи старых и новых членов Объединения, было устроено празднование 6-го декабря Корпусного праздника Княже-Константиновцев, на первую встречу откликнулись все кадеты и празднование прошло в чисто кадетском духе, именно в кадетской спайке присущей только кадетам. «Дежурным» по корпусу в этот день председателем Объединения был назначен кадет XXVIII в. В. Змунчилла, который скомандовал присутствующим кадетам «смирно», «на молитву» и все хором пропели молитву и молчанием почтили память ушедших от нас в лучший мир наших однокашников. За празднично накрытыми столами с обилием яств и напитков, старанием четы В. Найды в их же просторном помещении собственного дома, разместились кадеты и их гости. Первая «чарочка» была предложена за родные корпуса, а затем полились чарочки за чарочкой и как радостно было видеть сияющие лица в непринужденной кадетской среде. Гостем на праздновании присутствовал Председатель Монреальского кадетского Объединения Г. Левчук, который обратился к присутствующим со следующим словом:

Дорогие дамы и однокашники! От имени Монреальского кадетского Объединения сердечно поздравляю вас с нашим праздником и от глубины души желаю здоровья, благополучия и сил на продолжение вашей полезной деятельности. Мне хочется поделиться с вами несколькими мыслями. Наши объединения или вернее вообще объединение кадет, как общий факт есть что-то феноменальное, чего мы сами невполне со-

знаем и не оцениваем и что часто совсем не понятно иностранцам. Мне часто задают вопрос? Что у вас есть, что так связывает вас? Ведь уже прошло больше тридцати лет, как наши «малыши», не будь в обиду сказано, окончили корпус, а наши «зубры» могут насчитать пятьдесят и больше лет. Есть может быть долгосуществующие организации связанные клятвами или обетами, но мы не давали никаких клятв и обетов. Это у нас просто есть, в крови и было в нас вложено в течение того сравнительно короткого периода жизни проведенного в стенах родного корпуса или родных корпусов, это относится к тем, кто успел или умудрился побывать во многих. Это «чувство локтя», желание повидать и побыть с однокашниками чем дальше, тем больше проявляется. Мы как-то захлебываясь торопимся воспользоваться всяким предлогом и возможностью собраться и часто нас охватывает какой-то восторг и упоение. Может быть тоже потому что собираясь молодеем, чувствуем себя опять кадетами, институтками или гимназистками. Какие бы этому причины не были, во всяком случае второй съезд был через три года после первого в Монреале, а теперь не хотят ждать больше двух лет, хоть это часто и тяжело по разным причинам, количество съезжающихся кадет все с каждым разом увеличивается, несмотря ни на какие расстояния. В Монреале было около ста, в Каракасе, 120, в Лейквуде 140, а в Сан Франциско 160. Мы как-то инстинктивно стараемся воспользоваться тем хорошим, благородным, русским, кадетским духом, который царит между нами. Этот же дух проявился у вас, когда вы в прошлом году праздновали так удачно свой юбилей, выбрав такую красивую и благородную тему, как благодарность Королевству Югославии, Королю Александру и Патриарху Варнаве. Этот же дух объединения проявляется и в желании запечатлеть все, что возможно из нашей прошлой и теперешней жизни, в нашей «Кадетской Перекличке», которая все больше и больше распространяется по всему свету.

Господа! будем поддерживать этот дух объединения, который приносит нам столько радости и удовлетворения. Время бежит и надо пользоваться пока можно. Итак еще раз желаю всех благ и провозглашаю тост славному вашему кадетскому объединению в Торонто. Apres tout! хоть мы может быть когда-нибудь говорим на разных туземных языках, но мы же единственные два канадских кадетских объединения. У р а!

На злобу дня, экспромтом, было написано кадетом Полтавского Кадетского корпуса Н. Щербачевым следующее стихотворение:

Ну, кадеты становитесь. Становитесь все в строй
Ровняйсь на право — все ровняйсь за мной!
Скомандую я с м и р н о ! Как один замри.
  На первый, второй живо рассчитайся
  Там на левом фланге тише, в строю не болтать!
  По команде на п р а а а в о, ряды все вздвой,
  Шагом марш и бодрым шагом все пойдем домой!
А шпаки на левом фланге, будут ковылять,
Невпопад шагать, ногами и рукой махать.
Мы затянем звери-аду, песню не одну...
Вновь себя почувствуем кадетом, вспомним старину.

Постановленная цель, привлечение кадет оправдала себя. Уже 21 декабря на совместном заседании кадет и дамского комитета была выработана программа деятельности объединения на 1975 г., а также весело и оживленно был отпразднован Обще-кадетский праздник. Стараниями наших дам была организована встреча нового года в тесном кадетском кругу, до утра веселились, как умеют только веселиться кадеты. Тем же автором было прочитано стихотворение:

Новогодняя встреча с кадетами,
В старой, дружной кадетской семье.
За столами сидели все веселы...
Будто школьники, на школьной скамье
Я не помню, теперь я старенький!
Это было когда-то давно,
Когда души и мысли кадетские
Точно косы, сплетались в одно!
Годы грозные войн — революции,
Дробили всю Русь на куски,
Но, кадетскую веру и душу,
Раздробить на куски не смогли.
Дружба, братство царили на «встрече»!
Не было слышно: «ах нет»!
Как сказка, новогодняя встреча,
В старой семье, у кадет!
Дед-мороз с белоснежной метелицей
Разукрасил стекла окон...
А мне, правда, еще все же верится,
Это быль, это явь или сон.

Торонтовец.

ОБЪЕДИНЕНИЕ КАДЕТ КНЯЖЕ-КОНСТАНТИНОВЦЕВ В СЕВ. КАЛИФОРНИИ.

10-ти летний Юбилей Объединения и Встреча Корпусного Праздника.

30-го Ноября 1974 г. в день Год. Собрания Объединения и встречи Корпусного праздника, после прочтения полученных поздравлений, председатель Объединения открыл деловую часть собрания кратким отчетом за протекший год.

В официальной части этой встречи, при наличии 25 присутствующих членов Объединения было принято предложение Алексея Мальчевского о изменении параграфа Устава относящегося к выборам председателя.

По мотивам личного характера председатель просит не перевыбирать его на следующий год и выставляет, одновременно, кандидатуру ЕВГЕНИЯ КВАСНИКОВА (14 вып.).

Собрание единогласно приняло это предложение.

Секретарем Объединения, при его согласии, был переизбран Алексей Истомин (21-го вып.).

Представителем (связующим) для городов расположенных на Пенинсуле (полуострове С. Ф.) выбран Николай Львович Маслов (11-12 вып.).

Устройство встречи на Корпусной Праздника 1975 года принял на себя неутомимый Алеша Истомин.

Сама встреча в этом году проходила в уютной, «семейной» (хотя и холостой) обстановке.

Всем собравшимся в этот вечер однокашникам было особенно приятно присутствие в нашей среде бывшего члена администрации Корпуса (с самого его основания — 1920 г.), капитана Петра Петровича Шеншина, кадета Одесского В. К. К.К. Кад. Корп. вып. 1915 г.

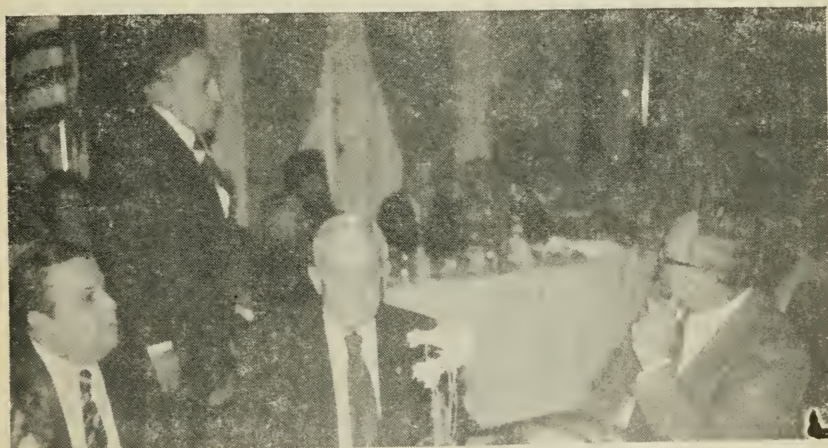
В конце Встречи новоизбранный председатель — Женя Квасников выразил от всех собравшихся благодарность устроителю Алеше Истомину и его милой супруге Ирине Александровне за предложенный вкусный горячий ужин (ДЖУВЕЧ) и богатый ассортимент закусок с прилежащим к ним возлиянием.

Алексей Мальчевский.

25-ТИЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ ОБЪЕДИНЕНИЯ В НЬЮ-ЙОРКЕ

Весь 1974 год был юбилейным. Юбилейное Годовое Общее Собрание и перед ним торжественная панихида в Синодальном соборе по всем за 25 лет скончавшимся. Двадцать пятый годовой благотворительный бал в одном из лучших зал Нью-Йорка с 650 посетителями, среди которых много иностранных и иногородних кадет-гостей Объединения с супругами и, наконец, торжественный банкет в немецком клубе «Лидеркранц».

На банкет в отдельном нарядном зале собралось более 90 персон во главе с Е. В. Княжной Верой Константиновной и почетными гостями, кадетами из разных городов и стран.

Первым приветствует гостей Председатель Объединения Г. Сперанский и передает руководство банкетом П. Олферьеву, который в кратком слове напомнил об основании Объединения:

«25 лет тому назад, в октябре 1949 года, маленькое объявление в «НРС» положило начало нашему Объединению. Маленькая инициативная группа призывала всех зарубежных кадет откликнуться и вступать в наши ряды.

Не пугайтесь, я не буду год за годом описывать Вам нашу жизнь и работу, не буду приводить статистических данных и цифр. Наше присутствие с Вами вчера на балу и сегодня на

нашей дружеской встрече показывают Вам, что мы еще существуем, не сдаемся и сдаваться не собираемся — уверен что и 50-летний юбилей Объединением будет достойно отпразднован.

У многих существует предвзятое мнение, что Объединения, подобные нашему, нежизненны, смотрят назад в прошлое, живут исключительно воспоминаниями «о канувшем в лето» и не имеют будущего. Должен с таким мнением несогласиться, как думаю не согласитесь и все вы.

Вся наша работа, наши Съезды, которых уже было четыре, резолюции и решения, принятые на этих Съездах, показывают, что мы хоть и верны заветам старины, но помним чье имя носим — всегда за всех и все за одного.

Наши Съезды, наши праздники, наши дружеские встречи далеко не только «Здравья желаем под рюмку водки» и перекличка по корпусам, а нечто более глубокое, важное. Это ясно показывает всем, что мы хоть и рассеяны по белу свету, но не расторгнуты. Мы любим и ценим наше прошлое, наши школы, но мы смотрим и вперед и стараемся поколению, следующему за нами, передать то чем сами богаты. Передать: верность Православной вере, знание великого и могучего русского языка, правильное историческое познание Великой России, развивать в них честность, правдивость и идею искреннего товарищества, которое нас связало и по сей день объединяет. В известных случаях убеждая их в том, что русского имени не надо стыдиться и бояться, а за него надо стоять и честно и правдиво перед иностранцами защищать.

Воспоминания, воспоминаниями, но кроме этого есть много важной, интересной и полезной работы и, пока у нас есть силы и возможности, мы должны ее продолжать. Стержнем нашей работы повсеместно должно быть привлечение в наши ряды молодежи, помощь ей и работа с ней и для нее.

Хоть и поздно, но нами создан наш общий журнал «Кадетская Переклчика», которая нам может в этой работе сильно помочь.

Вот этих несколько слов пусть послужат как бы кратким конспектом «во что веруем» и я прошу всех здесь присутствующих представителей иностранных и иногородних Объединений передать на местах, помимо нашей глубокой благодарности за внимание оказанное нам, и эти мысли.

В 1950 году состоялся наш первый бал в маленьком зале при Сербском соборе, постепенно местоположение и размеры залов менялись и вчера Вы уже присутствовали на 25 балу в одном из лучших залов города. Сегодня, как и 25 лет тому назад, среди нас большой друг нашего Объединения поэтесса Нонна Белавина, которой и представляю слово».

Нонна Сергеевна подчеркивает, что если на балу она представляла свое Объединение институток Мариинского Донского Института, то сегодня она рядовая участница торжества и от своего лично имени приветствует друзей и посвящает нашему юбилею следующее стихотворение:

За четверть века изменилось многое
И стала жизнь совсем иной на вид,
Но кажется, что время нас не трогает
И в наших душах молодость хранит...

Кто помнит первый бал в церковном зале?
(Подумайте! прошло ведь двадцать пять!)
Для вас тогда о корпусе в Версале
Должна была стихи я написать.

На прежних, тех, мы нынче не похожи,
Когда осенний вечер за окном...
Никто не спорит: были все моложе!
Но разве наша сила только в том?

О, нет! Пускай виски припудрил иней,
Пускай в глазах нет прежнего огня,
Но мы традиций наших не покинем,
Кадетству верность бережно храня.

И твердо знаем мы в чем наша сила,
ЧТО греет нас среди житейской тьмы —
Те восемь лет, что юность подарила,
На ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА растянули мы.

Кто ведает, на сколько хватит жизни
И будем ли встречаться много лет —
О корпусе почти как об отчизне
До гроба помнит каждый из кадет!..

По просьбе присутствующих Нонна Сергеевна читает стихотворение, написанное ею к нашему первому балу в 1950 году. Бал был в пользу Версальского Корпуса-Лицея во Франции:

За то, что мы сжигая корабли,
Идя в изгнанье горькою тропою,
За то, что мы от Родины вдали
Навек остались русские душою,
За то, что в мыслях живы и поют,
Всегда поют, былой России струны,
За то, что нас взлелеял институт,
За то, что корпус выпустил вас в юность.
За все судьбе мы благодарность шлем!..
Взбираясь ввысь на жизненные кручи,
Мы гордо имя русское несем,
Храним язык «великий и могучий»! —
Мы много раз теряли прежний дом,
Давно смешались месяцы и даты,
Но память крепко вклеила в альбом,
Все то, чем прежде были мы богаты.
И не забыть — как будто лишь вчера
Закрыли дверь мы в ласковое детство —
И первый вальс на наших вечерах,
И марш последний нашего оркестра.
И восемь лет с ученьем и тоской,
Любовью, карцером, веселыми балами
И дружбой, крепкой дружбою мужской,
Что здесь опять свела нас вместе с вами!
Стареем мы, усталость не тая,
Но трудный век наш все еще не прожит,
Так пусть же наша дружная семья
Другой семье пробиться в жизнь поможет!
Он канул в вечность милый институт
Воспоминанья тихой лаской тронув,
Но где-то там в другой стране живут,
Еще живут кадетские погоны!

И вот для них тесней сомкнем ряды,
Ведь только мы по духу им родные,
И будут нам наградой за труды
В сердцах детей живущая Россия!

Почетная Председательница Объединения, Е. В. Княжна поздравляет с Юбилеем, радуется вновь быть среди кадет после столь успешного Съезда в Сан Франциско и встречи с кадетами в Лос Анжелосе и желеат успеха и благополучия в будущем.

Председатель ОКО на восточном побережье, гвардии капитан В. Высоцкий приносит свои поздравления и пожелания плодотворной работы на многие годы.

Далее следуют Представители Кадетских Объединений, специально прибывшие на юбилейные торжества:

От Объединения в Каракасе (Венецуэла) приветствие читает А. Груничев и передает Председателю подарок — художественно исполненный адрес. А. Груничев и А. Пушин с супругами присутствовали на юбилейных торжествах и на банкете были со своими друзьями, у которых они останавливались.

Г. Левчук приветствует от ОКО в Монреале (Канада) как Председатель и особенно подчеркивает значение «чувства локтя» в наших Объединениях. Казначей Объединения А. Перекрестов передает Объединению юбилейный подарок — пять серебряных чарочек на блюде.

В. Змунчилла читает приветствие ОКО в Торонто (Канада) и под общий смех сообщает, что их подарок находится в дороге между Нью-Йорком и Торонто.

Д. Хантель приветствует от Объединения в Чикаго.

Г. Граф читает приветствие от Объединения в Лос Анжелосе и от Общества Ветеранов и преподносит Объединению от имени супруги и своего Альбом со снимками 4-го Съезда и встречи в Лос Анжелосе.

Архимандрит Антоний приветствует от Его Объединения на Среднем Востоке во главе с ген. Хрипуновым и перечисляет кадет — ныне священнослужителей.

Секретарь Объединения Михаил Михеев, читает письменные приветствия:

Телеграмму от Председателя Президиума 4-го Съезда, А. Громыко.

Письмо от Объединения Княже-Константиновцев в Сев. Калифорнии и передает подарок — художественный щит с юбилейной датой.

Письмо Председателя Обеъединения Полочан, Д. Яницкого.

Письмо одного из бывших Председателей нашего Объединения, кн. Николая Кудашева.

Приветствия от кадет Э. Мистулова, Николая Маслова, Евгения Богаевского, Михаила Кашина, Евграфа Ковалевского, Александра Левандовского

Банкет прошел в приподнятом и веселом настроении.

В воскресение 22 декабря были отпразднованы Корпусные Праздники Донцов и Княже-Константиновцев. Торжественный молебен в Синодальном соборе с выносом знамен, банкет в Литовском клубе. На праздник прибыл Председатель Объединения в Чикаго Б. Седов с супругой.

Г. Сперанский прочел, к большому удовольствию присутствующих, произведение А. Мальчевского, присланное к юбилею — «На злобу дня».

Юбилейный год закончен. Отрадно было видеть на всех торжествах большие группы молодежи — детей кадет.

Правление.

НА ЗЛОБУ ДНЯ

От всех кто с Вами жизнь когда-то начинал
благополучия и счастья ожидал,
любил, страдал и так же как и Вы мечтал,
но может быть к концу и сплоховал

ПРИВЕТ И МНОГО ЛЕТ !

Привет от нас в рассеянии сущих:
от прозябающих и от, вельми, имущих,
от скромных, попросту, и не везущих,
от неустроенных и хорошо живущих,
от толкачей локтями, к целям сущих
ушедших в быт и в бизнесах снующих,
от молчаливых и весьма орущих,
от безталантных, безголосых и поющих
от лысых стариков и молодых-цветущих,
от скептиков в жилеты слезы льющих,
от тех кто на диете — сухари жующих,
и от курящих, жаждущих, и сильно пьющих,
от зело добреньких, а в сути очень злющих,
от алчущих любви, увы, уж немогущих...
артритиков, ревматиков не умирающих, но мрущих,
поэтов, литераторов всегда свой вздор несущих,
и ото всех на все и вся плюющих......

Привет и наши пожеланья:
В полном достатке пребыванья,
больше здоровья, минимум страданья
и старческого . . . увяданья . . .
Курите, пейте, веселитесь,
побольше смейтесь, меньше злитесь,
Коль силы есть еще — трудитесь,
а нет — на пенсию катитесь.

Алексей Мальчевский.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭПОПЕЯ М. Д. КАРАТЕЕВА «РУСЬ И ОРДА».

В прошлом году вышла вторым изданием 1-я часть романа «Ярлык Великого Хана», а совсем недавно появилась давно ожидаемая 2-я часть. Заканчивая предисловие к первому изданию, автор, наш Крымский кадет, писал много лет тому назад, что не достаточно одних интересных материалов и увлекательной фабулы для того, чтобы произведение стало полноценным... И действительно, как бы ни была значительна тема какого либо романа, есть много книг написанных так, что от их чтения или остается неприятный осадок, или же они забываются сразу после прочтения. Но все книги М. Д. Каратеева, а в частности те, которые составляют историческую эпопею «Русь и Орда», принадлежат к числу произведений, которые не только читаются с неослабевающим интересом, но и перечитываются неоднократно каждым, кто интересуется нашей отечественной историей и для кого дорого историческое прошлое нашей Родины.

Про романы Каратеева мало сказать, что они просто интересны, как могут быть интересны многие другие книги. Помимо обширных исторических сведений, помимо красочных описаний древнего быта, обычаев, верований и взаимоотношений, в книгах Каратеева есть глубокая человечность и их действующие лица живут и делаются близкими и понятными нам с первых же страниц. Книги эти уносят нас в ту область древней истории Руси, которая очень скудно освещена в русской литературе, а то что про эти времена было написано, часто совершенно неправильно или пристрастно.

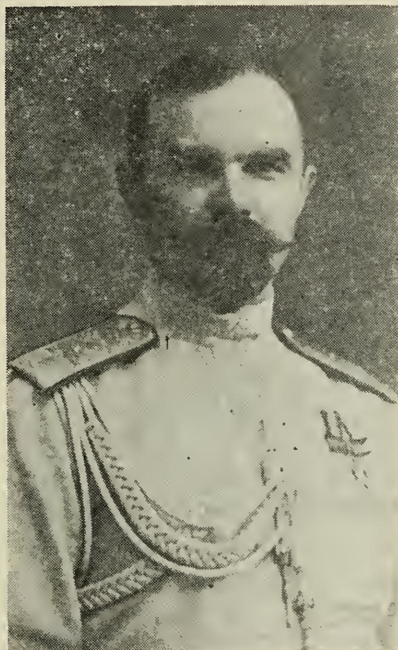
Одновременно с развитием действия романа, автор раскрывает перед читателем более правильное толкование событий истории древней Руси, сопровождая свой рассказ доказательствами, против которых трудно что либо возразить, и говоря, о том, с чем мы совершенно незнакомы и о чем у нас еще со средней школы укрепились ошибочные понятия. Так например, заслуживают глубокого внимания страницы, посвященные призванию Рюрика и описанию событий, имевших место в Восточной Европе до IX века. События эти, описанные простым и понятным языком, заставляют читателя глубже вдуматься в те явления, о которых мы с юных лет запомнили лишь несколько фраз из учебников русской истории.

Но мне кажется, что произведения Каратеева не нуждаются в длинных хвалебных отзывах. Их нужно читать и нужно давать читать нашей молодежи, которая далеко не часто получает правильное представление о нашем прошлом. Нам же остается лишь пожалеть, что книги Каратеева печатаются в таком малом количестве экземпляров, что очень скоро превращаются в библиографические редкости.

А. Росселевич.

ПАМЯТИ УШЕДШИХ

ПАМЯТИ ГЕН. МАЙОРА ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА БАБКИНА.

**Директор Донского Кадетского Кропуса
Генерального Штаба Генерал Майор
Александр Иванович Бабкин
1882 - 1974.**

24 декабря 1974 г., в гор. Монреале (Канада), в госпитале Военных Ветеранов Войны, на 93-м году жизни скончался старейший кадет Донского Императора Александра III кад. корпуса (II вып.) Александр Иванович Бабкин.

Александр Иванович родился 10 июня 1882 г. в станице Мигуленской, Области Войска Донского. Его отец, Иван Николаевич, был Войсковым Старшиной, а мать, Пелагея Петровна, была донской казачкой стан. Мигуленской. До 11-ти-

летнего возраста Александр Иванович рос и жил в родной станице, а когда ему исполнилось 11 лет сдал экзамен для поступления в Донской кад. корпус, куда и был зачислен в августе 1893 года, в 1-й класс.

В мае 1900 г., в звании вице-урядника, он успешно закончил корпус и поступил в Михайловское Артиллерийское училище, которое окончил портупей-юнкером и был произведен в хорунжие, выйдя в 6-ю Лейб-Гвардии Донскую казачью Его Величества батарею, Гвардейской конно-артиллерийской бригады. В чине сотника сдал экзамен для приема в Императорскуб Николаевскую Академию Генерального Штаба. Окончив два года Академии по первому разряду и дополнительный курс «успешно», за отличные успехи в науках был произведен в чин подъесаула, причислен к Генеральному Штабу и прикомандирован к Штабу С.-Петербургского военного округа. В 1909 г., для цензового командования сотней, был прикомандирован к отдельному Оренбургскому казачьему дивизиону, а по отбытии ценза был причислен к Штабу Киевского военного округа. В 1913 г. был назначен старшим адъютантом Штаба 20-го армейского корпуса, с которым и вышел на театр военных действий в 1914 г.

Революция застала Александра Ивановича в должности Начальника Штаба 6-й кавалерийской дивизии. За компанию 1914-17 г.г. Александр Иванович был награжден всеми боевыми орденами, вплоть до Георгиевского оружия. В 1917 г., после развала фронта, Александр Иванович вернулся к себе на Дон, где был зачислен в Штаб Войска Донского. Он принял деятельное участие в освобождении Дона от красных полчищ и в 1919 г. был назначен Начальником 2-й Донской казачьей конной дивизии, но в 1920 г. заболел тифом и был эвакуирован заграницу.

В октябре 1920 г. Донской Атаман командировал Александра Ивановича, отправиться в Сербию, в гор. Белая Церковь, где выяснить положение дел в Донском Мариинском институте, после чего следовать в Египет, к месту его прямого назначения. Но в Египет Александр Иванович не попал; группа кадет Донского Императора Александра III кад. корпуса, эвакуированная из Крыма, была 3-го декабря 1920 г. по приказу Донского Атамана переименована во 2-й Донской кадетский корпус и Александр Иванович был назначен на должность

директора этого корпуса, находившегося в это время в Стрнище и расквартированного в бараках, когда-то служивших для военнопленных.

Александр Иванович принял корпус от ген. И. И. Рыковского, бывшего командира 1-й сотни. Пришлось нам расстаться с любимым всеми нами Иваном Ивановичем Рыковским. Не легко было Александру Ивановичу бороться с нашей вольницей, с кадетами давно оторвавшимися от школьной скамьи, на которых наложила свой отпечаток тяжелая, суровая и полная опасностей жизнь, в огне гражданской войны. Александр Иванович энергично взялся за восстановление расшатанной дисциплины и школьного дела. С переездом корпуса в гор. Билече, Александр Иванович своей врожденной демократичностью завоевал к себе расположение окружающего населения и пользовался у него большим авторитетом. Труды его не пропали даром; при нем в корпусе были восстановлены порядки и условия жизни корпусов дореволюционного периода и нужно только сожалеть, что Александр Иванович покинул корпус так быстро.

В 1925 г. он уехал из Югославии во Францию, а в 1948 г. переехал в Канаду, в провинцию Квебек. В 1955 г. Александр Иванович потерял свою верную спутницу жизни, жену Веру Александровну, после чего переехал на постоянное жительство к своему младшему сыну Игорю Александровичу, у которого и прожил до своей кончины.

Первую панихиду, в сослужении духовенства, отслужил Высокопреосвященный Виталий, архиепископ Монреальский и Канадский, в юности — кадет Крымского кад. корпуса. Отпевание совершил архимандрит Федор, в сослужении духовенства. Проводить Александра Ивановича в последний путь пришло много народа. Прекрасно пел добровольно образовавшийся хор, у гроба стоял почетный караул от Королевского Легиона Ветеранов войны; от Донских кадет в почетном карауле стоял в казачьей форме Ф. Г. Шалякин. После отпевания, архимандрит о. Федор сказал прочувствованное слово о покойном.

Александр Иванович похоронен рядом со своей супругой на православном участке кладбища гор. Лашин. Вечная ему память!

Н. Б.

«РЕДЕЮТ КАДЕТСКИЕ РЯДЫ».

29 ноября 1974 г. после непродолжительной болезни тихо скончался инженер

Анатолий Анатольевич
ЗАХАРЖЕВСКИЙ

Покойный родился 17 VIII 1905 г. в Киеве. В 1915 г. поступил в 1-й класс Владимирского Киевского Кад. Корпуса, с которым в 1919 г. эвакуировался в Одессу. Больного тифом, его оставили в Одессе в госпитале, где он чудом избежал кровавой расправы, которой красные подвергали всех «белобандитов». Выздоровевши он под чужим именем попытался пробраться в Киев к матери, но по дороге был захвачен Махновцами. Опять чудом спас свою жизнь.

Летом 1920 года, при наступлении Русской Армии в Сев. Таврии, успел перейти фронт и присоединиться к одному из Донских Казачьих полков. Здесь опять оказался в опасности снова попасть в руки красных, когда полк был окружен и бросил обоз, в котором он находился. Но и здесь счастье его не оставило и он с несколькими казаками, на пулеметной тачанке успели пробраться к своим. Вскоре из полка его отправили в Евпаторию во 2-й Донской кад. кор., с которым он и эвакуировался в Югославию.

Окончивши в 1924 году Донской Императора Александра Третьего кад. кор., он поступил на технический факультет Загребского университета и, окончивши его, работал как инженер путей сообщения в разных предприятиях.

Приехавши в 1948 г. в Аргентину, сразу поступил на государственную службу и в качестве инженера работал в Министерстве путей сообщения до последних дней своей жизни. Корректный, прекрасно воспитанный, веселый в обществе, он пользовался любовью всех однокашников. Большой русский патриот, он глубоко переживал судьбу нашей Родины, веря

в ее скорое воскресенье. На последней кадетской встрече по поводу 25-летия О.К.О. в Аргентине он записал в «Памятку Объединения»: «Слава прошлому — вера в будущее».

Дорогой однокашник! Пусть Тебе будет пухом чужая земля, в которой Ты покоишься, а между нами вечная Тебе память! Твоей верной спутнице на жизненном пути, Тамаре Александровне и дочери Лидии Анатольевне наше искреннее соболезнование.

Председатель О.К.О. в Аргентине
С. Якимович.

Обще Кадетское Объединение в Аргентине с глубоким прискорбием сообщает о скоропостижной кончине 12 августа 1974 года члена Объединения Полковника 15 гусарского Украинского полка, — Сменного офицера Николаевского Кав. Уч.

ЕВГЕНИЯ ДМИТРИЕВИЧА ЦЕШКОВСКОГО.

Воспитанника Сумского кад. корпуса вып. 1908 г. и Елисаветградского Кав. Училища вып. 1910 г. и выражает свое искреннее соболезнование супруге покойного.

В 1974 году в Болгарии скончался инженер

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ МАТТЕЕВ

Кадет 4 выпуска Русского Кадетского Корпуса.

После тяжелой болезни, 22-го февраля 1975 г., скончалась супруга нашего однокашника 18 в. Р.К.К. Николая Хитрово

МАРИНА СЕРГЕЕВНА урожденная БАЛИЦКАЯ

о чем с великим прискорбием сообщает Венецуельское Объединение Кадет Русских Корпусов в Югославии.

ЕЩЕ ОДНА УТРАТА

31 января 1975 г. после продолжительной болезни скончался

БОРИС СЕРГЕЕВИЧ ДЬЯКОВ

кадет 7-го выпуска Крымского Кадетского Корпуса.

Покойный родился 8 окт. 1907 г. в Хасаф-Юрте на Кавказе. После эвакуации из Новороссийска, в Югославии учился в Стрнище и Белой Церкви в Крымском Корпусе. После окончания нескольких семестров на техническом факультете в Белграде, Борис закончил геодезические курсы и все годы до войны работал геометром в разных городах Старой Сербии.

В 1936 г. женился на Кикиндской институтке Елене Антоновой. В 1941 г. одним из первых поступил в Русский Корпус, где и провел все тяжелые годы до окончания войны. В 1945 г., после недолгого плена, попал в Зальцбург и поступил воспитателем в русскую гимназию, основанную при лагере. В 1948 году с семьей эмигрировал в Аргентину, а в 1955 г. ему удалось переехать в США. Обосновались в Спрингфильде (Массачузетс), где покойный и провел все остальные годы своей жизни, работая на спичечной фабрике. В 1971 г. должен был выйти на пенсию по болезни.

Всю свою жизнь, в любых условиях, на войне и в мирное время, Борис всегда готов был помочь каждому, был хорошим другом, честным и порядочным человеком и оставил по себе самую лучшую память.

За два дня до смерти по телефону я спросила его привезти ли ему книг из библиотеки, он отказался и сказал, что опять начал с удовольствием перечитывать «Кадетскую Перекличку». Когда я приехала после его смерти, на тумбочке около его кровати лежал 1-ый номер «Переклички».

Покойный был очень религиозным человеком и в течение 15 лет старостой Св. Николаевской церкви в Спрингфильде.

Похоронен Борис на кладбище монастыря Ново-Дивеево. Отпевание было совершено в монастырском храме. Кадеты-однокашники стояли в почетном карауле у гроба и покрыли гроб русским флагом.

После покойного остался сын Алексей, преподаватель русского и испанского языков в гимназии штата Нью-Йорка.

Н. М.

ЗА РОДИНУ, ЧЕСТЬ И СВОБОДУ !

Стоит на посту 44 года!

Он ждет нашей поддержки!

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ :

США, Канада	10 дол.
Ю. Америка	6 дол.
Бразилия	18 круз.
Германия	23 марк.
Австрия	65 шил.
Греция	100 драх.

Адрес :

"La Sentinelle"
Boite Postale 31,
Ixelles 4,
1050 - Bruxelles

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

LE PASSE MILITAIRE
61, rue Chardon-Lagache
Paris 16 (France)

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ :

Шесть номеров 10 долл.
40 фр. фр.

Представители:
США :

Pr. N. Kudashev
521 West 185 Street
Apt. 2D, New York, N. Y. 10033

Mr. G. Kutorga
272 2-d Avenue
San Francisco, Cal. 94118

Printed by "Monastery Press" — 8011 Champagneur Ave., Montreal, Que. Canada.

Printed by "Secondary Press", [illegible] Champagneur Ave., Montreal, Que. Canada.